

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

18+

ДОГОВОР

на НЕлюбовь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Евсения Медведева
Договор на нелюбовь
Серия «Договор на нелюбовь», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68775924

SelfPub; 2023

Аннотация

Ненавижу! Ненавижу его! Этого высокого, красивого блондина, что сломал мою жизнь своим внезапным появлением в ней. Он при первом же знакомстве представил меня своей невестой, даже глазом не моргнув! Хозяином моей жизни возомнил себя! Но нет, Царёв... Хотя ты и разрушил мои мечты, стёр все планы, запутал, заставил подписать договор, по которому обязана выйти за тебя замуж, но я так просто не сдамся. Не на ту попал... Я просто хотела защитить свой посёлок от лап его строительной фирмы, решившей построить на его месте роскошный загородный клуб. Мамочки... Я же не знала, что влюблюсь в этого сухого блондинчика с бурей в глазах... Договор на «нелюбовь»? Поздно, Блондинчик...

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	17
Глава 4.	26
Глава 5.	36
Глава 7.	50
Глава 8.	57
Глава 9.	68
Глава 10.	77
Глава 11.	85
Глава 12.	92
Глава 13.	102
Глава 14.	112
Глава 15.	118
Глава 16.	127
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Евсения Медведева

Договор на нелюбовь

Глава 1.

«... Сегодняшний день вернул надежду в трепещущие сердца девушек нашего города. Объявление о расставании Карины Килиной, дочери текстильного магната, и Александра Царёва, внука владельца одной из крупнейших строительных империй страны «СтройГрад», прозвучало, как гром среди ясного майского неба. Карина в интервью эту информацию подтвердила, но от комментариев воздержалась. Внимание! Один из самых завидных женихов нашего региона снова свободен!...»

Перевозбужденный голос ведущего светской хроники застал нас с подругами на косоногой стремянке, в попытке прибить потолочный плинтус, что рухнул, когда Ташка пыталась дотянуться до плаката кумира моего детства, в варварской попытке отобрать раритет.

Я отдала Ольке молоток и спустилась, присев на пол перед телевизором, на экране которого мелькали десятки фотографий до одурения красивого блондинчика.

– Во дела-а-а-а, – охнула подруга, тоже спрыгнув со стре-

мянки, упала на кровать и сделала звук погромче. – Интересно, это она его кинула? Или красавчик нашел себе поинтереснее игрушку? Как думаете, она какая? Ставлю сникерс на то, что она тоже блондинка, как наша Катька. Кстати, эта Карина совершенно ему не подходит. Смотрятся, как скучная шахматная доска. Он белый конь, она черная ладья. Фу, мля...

– А кто ему подходит, Наташ? – расхохоталась Оля, хватаясь за портьеру, чтобы не рухнуть. – Может, ты?

– Может, и я!

– Таш, ты сбрендилa? Нам-то какое до этого богатенького придурка дело? Кать, забери уже у этой ненормальной пульт, давайте приколотим эту деревяшку и пойдём на речку, – Оля психанула, окончательно отодрала плинтус и стала размахивать им, перегнувшись через край стремянки, как шпагой, старательно пытаясь зацепить размечтавшуюся Наташку.

– Стоп, это что, он? – я, как замороженная, рассматривала холёное лицо блондина, что красовался во весь экран. – Тот самый?

– Да, наследничек. Говорят, дед его от дел отходит, поэтому скоро нас ждёт очередная сенсация, – Наташка вновь рухнула на кровать и похлопала рядом, приглашая воинственную Олю присесть рядом. – Может, наследник прекратит эту вакханалию, что трясет нас уже несколько лет?

– В смысле, наследник? – Оля прыгнула и тоже усталилась в экран, на котором менялись фото блондина: то он

на пляже, демонстрирует шикарную фигуру, то в смокинге на каком-то рауте, то в кабриолете. И везде эта треклятая идеальная улыбка довольного жизнью красавчика. – Вот это жизнь, девки! Карина такая красотка, вот почему он её бросил? Что с ним не так?

– А я о чем? Он там телок меняет, тачки, а мы должны сматываться из нашего уютного гнездышка в угоду его желаниям, – Наташка вырубил телек и отвернулась от экрана. – Нет, глупо надеяться, что этот смазливый блондинчик будет другим. Все они одинаковые! Только деньги в глазах.

– Зинаида Львовна сказала, что судебное заседание в июне, – Оля вышла на балкон и заплакала, закрыв лицо ладонями, следом выскочила Таша, обняла подругу. – Адвоката нового нашли, попытаются оспорить решение о нашем расселении. Вот только оптимизм тает с каждым днем. Девки, а что, если и правда мы лишимся наших домов? Куда мы поедem? В общагу?

В открытое окно влетали лепестки цветущей яблони, засыпая письменный стол розовым покрывалом. Ветер подхватывал их и разбрасывал по деревянному полу, словно дразня мои путающиеся мысли, что настойчиво бились в голове. Перед глазами до сих пор стояло это холёное личико красавчика. Хозяин жизни, наверное, и дня не работал руками, только счёт свой проверяет, куда деньги капают, омытые слезами обычных людей.

Да кто он такой? Не бывать твоим планам, блондинчик.

Не бывать!

– Месяц, – прошептала я, пялясь в темный экран телевизора.

– Что? – в голос охнули девчонки.

– Я влюблю его, девки, – в голове щелкнул тумблер с очевидно бредовой идеей. – Точно! Он будет моим.

– Катюша, ты перегрелась? – Оля села рядом, ощупывая мой лоб. – Холодная вроде. Может врача вызвать?

– Кого, Кать? – Ташка тоже заглянула в комнату.

– Царёва этого. Я окручу его и заставлю отстать от нашего посёлка!

– Подруга, ты чего? Бредовые идеи обычно генерирует Наташка. Но ты-то дружишь с головой? Так мне казалось, во всяком случае.

– Мы поменяли пять адвокатов, и ничего! В декабре крайний срок расселения, и сомневаюсь, что нам удастся победить в суде! – вскочила с пола и стала наворачивать круги по мансарде. – Это мой дом! Я здесь родилась и мне решать, хочу ли я здесь дальше жить, а не богатенькому блондинчику! Никуда я не уеду из своего дома! Пусть бульдозерами выносят, но покорности от меня они не дождутся! Хватит! Если они действуют подло, то пора ответить той же картой. Ну, что? Сыграем, блондинчик?

– Катька, как ты себе это представляешь? Он в твоём детском садике не работает, да и по вечерам в ДК к тебе ни на фитнес, ни на уроки танго не заваливается! Разные вы. Он –

птица в небе, а ты – муравей. Смирись с правдой жизни, таким как мы остаётся лишь пускать слюни и мечтать. И, кстати, ты в карты играть не умеешь! Если приходит козырь, то сияешь, как новогодняя ёлка, как ты с ним играть собралась?

Подруги, естественно, были правы. Эмоциональный запал тут же угас, я снова опустилась на пол, сверля экран телевизора. Вот почему в жизни всё-таки? Кому-то все: деньги, работа, путешествие и слюни всех девушек города, а кому-то шиш с маслом. Конечно, сказок не бывает. И Наташка правильно сказала, эта птица высокого полёта не залетит в мой муравейник, который к тому же, вот-вот снесут ко всем чертям бульдозеры холдинга «СтройГрад».

Сердце билось беспокойно, сбивчиво. Из головы все никак не выходили те фото. Я впервые видела Царева-младшего. Его отец лишь раз явился на судебное заседание, в остальные разы приходили представители холдинга, но об этом парне я никогда не слышала.

– Так все, закругляемся и идём купаться! – скомандовала Оля. – У нас два дня выходных, погода шикарная!

– Лучше бы с Киrom поехали на Волгу. Там компания собралась – закачаешься!

– У нас завтра митинг, Таша, – Оля сбросила в мою пляжную сумку полотенце, купальник и всучила мне в руки. – Мы месяц с администрацией согласовывали, если завтра не явимся, то ещё месяц придётся пороги обивать.

Глава 2.

– Мы на речку! – я выскочила на просторную веранду, чтобы предупредить маму, что мы уходим.

– Катюш, кепку надень! Там в холодильнике бутылка клюквенного морса, возьми с собой, – мама выглянула из теплицы. Лицо её было красным от жары, а по лбу катились капли пота, она смахнула их тыльной стороной руки, оставив грязный след.

– Тётъ Ирина, огурцы ваши – огонь огненный! – вечно голодная Ташка умыкнула из тазика пару малосольных огурчиков и теперь довольно уминала их в одну каску.

– Кушай, деточка, – рассмеялась мама. – Только не долго там, хорошо? Сгорите, будете потом в сметане купаться. Да и бабушка сегодня пригласила подруг на вечерний преферанс, я не вынесу этой компании в одиночку.

– Хорошо, мам, – кинула в неё воздушным поцелуем и побежала догонять подруг.

Мы с девками перепрыгнули через кованое ограждение веранды и пошли к калитке через старый яблоневоый сад, что заложил ещё мой прадед. Старые, чуть кривоватые стволы нагибались над тропинкой, вымощенной камнем, закрывая её от обжигающих лучей солнца.

– Катъ, скажи, что ты пошутила? – Оля крепко схватила

меня за локоть.

– Ты о чем? – я задрала голову, пытаюсь ртом ловить плавно падающие лепестки цветков.

– Не прикидывайся, подруга, – Таша доела огурец, вытерла руки о джинсовые шорты и подхватила меня под второй локоть.

– Конечно, пошутила, – прыснула я смехом, наслаждаясь их растерянными выражениями лиц. – Ну, что, я заявлюсь к нему домой и отдамся, что ли? Таких, как я, у него мульон и еще тележка. Что же вы дурочки такие, а? А ещё говорили, что я не умею играть в карты, а сами-то поверили!

– Фух, – выдохнула Оля. – Знаешь, моя бабушка говорила всегда, что нужно остерегаться тихонь, потому что, когда их срывает с катушек, а их рано или поздно срывает с катушек, они способны на такое, что самым последним оторвам и не снилось!

– Это я тихоня? – я замерла у калитки.

– Конечно! Ну, не Наталья же, честное слово.

– А я согласна с Лялей, – Наташка отпустила мою руку, опередила на пару шагов, чтобы видеть нас. – Катечка Ростова всегда была лучшей ученицей, красные дипломы, медали, грамоты, стенгазеты! Тихоня и отличница. Давно жду от тебя какой-нибудь подлости.

– И что? Таша, ты, между прочим, с серебряной медалью закончила, и что?

– Да я бы в жизнь не закончила с медалью без тебя! – хохотала.

тала Наташка. – А Ольку нашу вообще чуть из школы в одиннадцатом классе не поперли, когда узнали, что она с практикантом встречается.

– Таша, замолчи! – покраснела Оля и натянула бейсболку на глаза, чтобы скрыть румянец.

– Не прячься, развратница! И ведь только Катюша Ростова смогла договориться с директрисой. Кать, а как ты это сделала? До сих пор любопытство распирает.

– Да, договорилась, а что, просто смотреть, как позорят мою подругу? – рассмеялась, обнимая Олю, которая аж затряслась от тёмных воспоминаний.

– А нечего было сосаться в школьной библиотеке! Бедную библиотекаршу Киру Павловну, что последний раз секс видела ещё в прошлом веке, чуть сердечный удар не разбил! Кать, ну скажи, что ты пообещала директрисе?

– Наташ, угомонись!

– Ладно, прости, Лялька, – Таша тоже обняла подругу и чмокнула её в щеку. – Я просто в шоке от Катькиного заявления.

– Да-да, Кать. Скажи, что это шутка!

– Конечно, шутка, дурынды!

Вдалеке появилась речка, и я вприпрыжку бросилась к воде, лишь бы убежать от их пристальных взглядов.

Май в этом году всерьёз решил поджарить нас на раскалённом асфальте, поэтому купальный сезон открыли ещё в прошлый выходные. Весь пляж был забит отдыхающими, и

мы протискивались между цветастых покрывал, пластиковых лежаков, направляясь к своему любимому месту за поваленной берёзой. Довольно крупный ствол ограждал нас от любопытных взглядов, позволяя чувствовать себя свободно. Да, здесь не было мягкого песочка, но зато было всегда пусто.

– Все! Я купаться! – взывала Наташка, сбрасывая с себя одежду. – Не могу больше.

Мы Лялей тоже кинули сумки и рванули следом. Бесились в воде, как дети, раздражая чопорных отдыхающих соседнего элитного посёлка своими криками.

Все началось еще лет семь назад, когда одним тихим летним утром по ухабистой дороге мимо моего дома проехала вереница бульдозеров, самосвалов и тонированных джипов, скрывшихся за лесной опушкой. И уже через несколько месяцев среди высоких макушек берёз стали проглядывать коньки крыш коттеджей, а ещё через месяц всю территорию окружили высоченным каменным забором, чтобы зеваки вроде нас не пялились на богатое убранство новых соседей. Неприязнь к нашему «Яблоневому» зрела давно. А созрела в прошлом году, когда в один день все жители получили уведомления о расселении. Город просто подписал нам смертный приговор, отдав под массовую застройку всю территорию вплоть до водоохранной зоны берега реки.

Наш посёлок «Яблоневый» ещё мой прадед строил лично, в восьмидесятых годах. Тогда всему НИИ здесь выдали

участки и бронь на стройматериалы.

Сколько себя помню, столько и «Яблоневого». Все детство мое прошло в фруктовом саду, уютном домике и у извилистой речки. А после того, как заболел дедушка, мы и вовсе перебрались сюда. Маме пришлось продать нашу квартиру, чтобы отвезти своего отца в Германию. К сожалению, экспериментальный метод не помог. И мы с мамой и бабушкой остались жить в нашем любимом особнячке с колоннами.

С девчонками, кстати, мы познакомились именно здесь, на речке. С тех пор практически и не расставались.

– Эх, а всё-таки этот блондинчик красавчик, – протянула Таша, рассматривая экран своего телефона, на заставке которого стояла его фотка.

– Прекрати! – шлёпнула сканвордом по спине подруги. – Что ты на него пялишься постоянно? Влюбилась, что ли? Я всё Кириллу расскажу, он быстро разберётся с твоими фантазиями с блондинчиком в главной роли.

– Пишут, у него брат старший есть, вот только дедуля младшему контрольный пакет акций хочет передать, – Наташка отмахнулась от моих слов, как от назойливой мухи, продолжая штудировать биографию незнакомца, что разбередил её сердечко.

Мне хотелось перекатиться по покрывалу и присоседиться к увлекательному чтиву, но почему-то не могла. Не слушались ни руки, ни ноги. Я продолжала пялиться в волнистые от капель воды странички сканворда, вспоминая профиль

красавчика: прямой нос, такие мужественно широкие брови и глубоко посаженные кристально-чистые голубые глаза, в которых плясали черти. Светлые волосы в лёгком беспорядке были зачёсаны назад, создавая больше игривое настроение, чем строгое. Что-то в нем было такое, что отдавалось внутри меня перезвоном колокольчиков.

– Странно. Младшенькие обычно кайфуют и вкушают плоды упорной работы предков. Старшенький, кстати, тоже ничего. Только нет в нем секса жгучего, что ли. Да и старым кажется, глаза тёмные, как кофе. Показать?

– Наташа? – охнула Ольга, закрывая лицо ладонями. – Что ты говоришь?

– Царёв, – выдохнула я, рассматривая голубое небо. – Какая красивая фамилия.

– Нет сносу! Нет новому посёлку! – скандировала толпа у центрального входа в строительный холдинг «СтройГрад». – Долой руки от нашей собственности!

Жители «Яблоневого» подготовились в этот раз на все сто, поэтому у каждого в руках был плакат с требованием убрать свои заgreбушие руки от нашего уютного посёлка, а на груди был адрес и фото дома. Толпа двигалась максимально организованно вокруг макета яблоневого дерева, картонные ветви которого украшали фотографии домов, что компания «СтройГрад» планировала снести уже в конце этого года.

Сердце разрывалось от скорби на их лицах. Маленькие дети грустно плелись за родителями, даже не собираясь канючить и жаловаться на скуку и пекло. Это больше походило на ритуал прощания, чем на попытку хоть на что-то повлиять. Все это прекрасно понимали, но до сих пор старались уцепиться за малейшую возможность, пусть и интеллигентной, но все же хваткой. Журналисты подгрести ближе к обеду, лениво расчехлили камеры, прячась от полуденного зноя под зонтиками.

От всей этой картины становилось тошно. Одни пытались привлечь внимание к своему горю, вторые молчаливо наблюдали, а третьи и вовсе бездействовали. Вот так и случаются трагедии, под наблюдением равнодушных глаз.

Я уже устала тянуть шею, чтобы не упускать из виду светлую голову мамы, что стояла в первых рядах активистов. Она отчаянно размахивала транспарантом, что был большее ее в два раза, заводила толпу, не давая свалиться в горестные причитания. Мне было её жаль.

С каждым разом собирать в себе силы биться против бетонной стены становилось все труднее, а что говорить о поддержании морального духа? Обычно я ей помогала, подбадривала, но именно сегодня новые сандалии так натерли ногу, что пришлось выйти из толпы и сесть на ступеньки в ожидании, пока Наташка не принесёт из машины пластырь.

Монументальное, естественно, стеклянное здание холдинга, было оцеплено полицией, безразлично наблюдающей

за порядком. На драки, конечно, никто не рассчитывал, потому что из сотни митингующих не набралось бы и десятка мужчин. Хотя, наши мамы и бабушки уже готовы были на многое, лишь бы отстоять право на свои дома.

– Давай, Кать, я посмотрю, – вернувшаяся Ташка абсолютно бесцеремонно задрала мою ногу как раз в тот момент, когда к лестнице подрулила вереница чёрных тонированных джипов. Пыль раскалённого асфальта взметнула в воздух чёрной тучей, принеся удушье.

– Так, крошки, быстро свалили отсюда, – бугай, еле вывалившийся из машины, увидев посторонних у крыльца и тут же подскочил к нам, намереваясь прогнать.

– Отстань, указывать ещё он будет! – взвизгнула Наташа, со всей дури ударив по руке верзилу. – Где хочу, там и стою!

– Слышь, дерзкая, я сейчас твои ручонки пооткручиваю! – охранник охренел от подобной реакции маленькой брюнетки, что испепеляла его взглядом, не обращая внимания на весовую разницу.

– Марик, – окрикнули его сзади и бугай вытянулся в струнку, бросил напоследок предостерегающий взгляд и кинулся открывать дверь, очевидно, заднего входа в здание «СтройГрад» для Босса.

– Блондинчик, – довольно громко и мечтательно протянула Наташа...

Глава 3.

– Что, простите? – блондин замер в шаге от двери, повернувшись в нашу сторону. Медленно снял солнечные очки и стал откровенно рассматривать собравшихся, переводя пристальный взгляд то на нас, то на митингующих.

Наташка так и застыла с моей ногой в руках, чуть покачивая её, очевидно в нервном припадке, а я и вовсе дар речи потеряла. Он как-то бегло осмотрел воинствующую позу и совершенно влюбленное выражение лица Наташки и двинулся ко мне.

Как только его прозрачно-голубые глаза нашли мои, стало холодно. Мурашки побежали по телу, преследуемые его любопытным взглядом: на миг замер на губах, двинулся по шее, груди и задранной ноге. Черт! Юбка белого кружевного сарафана задралась вплоть до бедра. Мурашки сменились жаром, лицо стало заливаться краской стыда. Кое-как вырвала ногу из стальной хватки подруги и бросилась натягивать сандалии.

– Ничего, – кинула я, отвернувшись. Нога болела жутко, спасительный пластырь, добытый подругой, теперь валялся в луже, поэтому ждать спасения было неоткуда.

Затылком чувствовала его пристальный взгляд, но даже не собиралась оборачиваться. Да он не очень-то и настаивал,

потому что через мгновение слух резанул довольно сильный хлопок двери и крыльцо опустело.

– Ты видела его? – Наташка рухнула на ступеньку, приложив руки к груди, словно пыталась унять своё сердцебиение.

– Конечно. Я же хромая, а не слепая, – внезапная злость овладела мной настолько, что казалось, сейчас пар из ушей пойдёт. – Хватит тут валяться. И так опозорились.

– Скажи, он нереально красив, – захныкала подруга. – Даже лучше, чем на фото! Давай дождёмся его здесь? Умоляю, хоть одним глазочком ещё взглянуть на него!

– Ты больная, – я не стала застёгиваться ремешок и поковыляла в сторону машины. – За мамой присмотри, пока блондина караулишь, я в машину пошла.

– Тебе помочь?

– Сама справлюсь, – шикнула я и заковыляла к парковке, еле передвигая ногой. – А то ещё счастье своё упустишь.

Не знаю, что меня взбесило больше: его наглость во взгляде или холод и безразличие? Попялился, как на рекламу в журнале и дальше пошёл сносить чужие дома. Я с силой открыла дверь своей старенькой «Альмеры», за что и получила: дверь отпружинила и ударила по опорной ноге, что держала весь мой вес. Потеряв равновесие, я стала заваливаться внутрь, еле успев выставить перед собой руки.

– Наташа, – захныкала я, увидев зверски растерзанную автомобильную аптечку.

По полу и заднему сидению были разбросано её содер-

жимое: бинт размотался, опутав все белыми нитками, она словно зубами ее раскрывала, очевидно меня спасти торопилась. Скинула эти ужасные сандалии и, встав на корячки начала убирать учинённый подругой беспредел. Вдруг сзади послышался визг тормозов. Сердце заколотилось, предвкусывая неприятности.

– Ты обещал с этим разобраться!

– Сын, ты же сейчас у штурвала, вот и разберись, – второй голос был старше, и полон хрипа от сдерживаемого смеха и едкого сарказма. – Лучше расскажи, что с Кариной? СМИ со вчерашнего дня трубят о вашем расставании. Ты в своём уме? Ну, хорошо, поругались, я допускаю – дело молодое. Но какого хрена ты ей болтать с журналистами разрешаешь? Это перед голосованием совета директоров? Ты самоубийца? Или настолько уверен в своих силах, что готов потягаться с устаревшими нормами, что ценят семь стариков холдинга? Мог бы попрiderжать свой приборчик в штанах и потянуть время, не наводя шумихи. Семёнов уже с утра телефон обрывает, чтобы узнать, с кем теперь кувыркается мой ненаглядный сынуля. Нам нужна тишина, а имя холдинга и фамилии акционеров не должны всплывать на жёлтых страницах!

– Отец, а вот это не твоё дело, – голос первого мужчины изменился, и кажется, я догадываюсь, кем этот мужчина был. Стал холодным и натянутым, как струна, готовая лопнуть в любой момент. Говорил, четко проговаривая каждую букву,

словно пытался напугать противника.

– Конечно, мое. Документ о передаче пакета акций ещё не подписан, а ты помнишь условие. Да?

– Помню.

– Тогда какого хера? Килин – мой партнёр по теннису, что я ему скажу завтра? Что сын мой младшенький, гордость матушки и радость бабушки, опе*дол?

– Можешь так и сказать, – струна перестала резонировать, и в голосе появилось равнодушие. – Хотя, скорее всего, ты уже так и сказал.

Я аккуратно перевернулась, чтобы рассмотреть отца Блондинчика. Черт, что за семья уродов? Или шантаж входит в их список милых семейных бесед, вместо воскресного лото?

Мужчины стояли слишком близко друг к другу. Отец смотрел на сына, изо всех сил задирая голову, чтобы казаться выше, и был весьма напряжен, а вот сын абсолютно спокойно, даже расхлябанно покачивался, ударяясь о багажник моей любимой машинки. Козел! Пусть свой джип бьет!

– Щенок ты, а не директор! Я же могу затянуть с передачей управления, пока твой дед не помрёт, а там и вовсе останешься не у дел. Борька отлично справится! – затряс в воздухе пальцем его отец.

– Да ты сам щенок, отец, раз тестя боишься до сих пор, – внезапно зашипел Блондинчик, наклонившись к отцу так близко, что, казалось, что их носы соприкасаются. Я по инер-

ции опустилась ниже, пытаясь спрятаться от звенящего в его голосе гнева. – А что, если я ему расскажу, как ты здоровья ему желаешь! И местечко готовишь для Бореньки? Хотя все знают, что если сын твой и долб**б, то речь явно не обо мне, а о первенце твоём. Поэтому нравоучения побереги для него, а меня оставь в покое. Вернее, сам отправляйся на покой и не смей влезать в мою личную жизнь.

– Гадёныш! – зарычал старик, поджав губы.

– Да, отец, вот такого сына ты вырастил, – внезапно рассмеялся блондин, и неожиданно дернул головой в сторону заднего тонированного стекла, через которое я и наблюдала семейную трагикомедию.

– Это было условием деда, а не моим. Чтобы ты хоть на ком-нибудь женился!

– Зачем? Ты же женился, но правление он тебе так и не доверил.

– Ты бабник и прохвост, – внезапно расхохотался старик. – Ни одной юбки в городе не пропустишь. Тебя же все наши знакомые остерегаются и на ночь дочерям страшные сказки читают, чтобы, не дай Бог, не приблизились к Саше Царёву. Карина, отмороженная на всю голову, послушалась папеньку, и то не удержал. Блядун ты, Саша!

– Отец, разговор наш бессмысленный. В постель свою я даже матери нос не позволяю совать, не говоря уже о тебе. Поэтому нравоучения свои оставь для старшенького, ещё раз повторяю. Сам разберусь, на ком жениться, с кем спать и с

советом директоров я тоже сам разберусь, без твоей помощи. Ясно?

– У тебя была единственная задача – жениться хоть на чёрте лысом, чтобы угодить деду и его соратникам, и то не справился! Какое тебе правление?

– На ком-нибудь, говоришь? – вновь зыркнул он в мою сторону. И тут я решила залечь на сидение, правда, дверь была открыта.

– Да хоть на обезьяне, лично мне все равно! Если тебя сейчас не женить, то уже никогда не получится, – старик развернулся, кивнул охраннику, открывшему заднюю дверь чёрного мерса. – Короче, расстроил ты, Александр, и отца, и девушку, поэтому ...

– А я женюсь, пап...

После этих слов меня кто-то схватил за щиколотку и резко дернул. Как кошку за хвост, честное слово, вытащили из машины, только юбка сарафана вымыла в воздухе. Блондин подхватил меня под животом, ловко перехватился и прижал к себе, сменив горизонтальное положение на вертикальное. Эквилибрист, блин!

– Знакомьтесь... – его почти прозрачные голубые глаза вцепились в меня тисками, а пальцы правой руки сильно ущипнули за попу.

– Кто это? – крикнул его отец и снова вышел из машины, сверля меня недобрым оценивающим взглядом.

– А это невеста моя, пап, – прошептал Блондин, рассмат-

ривая меня медленным, чуть прищуренным взглядом.

Я практически висела у него на руках, судорожно держалась за его шею, ощущая, насколько сильно бьется его сердце. Казалось, что это сказка, сейчас меня ущипнут и я проснусь. Блондин же из кожи вон готов был вылезти, чтобы убедить своего отца в искренности. Очевидно поэтому в чисто киношном жесте убрал мою прилипшую к губам прядь за ухо. Нет, это определенно сон!

– Невеста? – задумчиво повторил старик, медленно подходя ближе. Но я даже не повернулась, продолжая смотреть в совершенно волшебные зелёно-голубые глаза Блончинчика, не в силах оторваться от их кристальной чистоты. Ресницы были такие длинные, темные, а в выгоревших кончиках путались лучики утреннего солнца. От него пахло ветром, песком и морем. Даже нос защекотало от приторной солёности.

– Невеста-невеста... – прошептал мой «жених» и неожиданно поцеловал меня в уголок рта. Его щетина скользнула по щеке, а губы обожгло тепло дыхания.

– И как же зовут этот подарок судьбы?

– Катерина, – блондин ткнул меня в бок, намекая на необходимость представиться, и я почему-то послушно перевела взгляд на старика и даже улыбнулась.

– Чуден мир, – отец Блондина медленно прошёлся по мне взглядом, застыв на босой ноге. – Что, туфельку, Золушка, примеряла?

– Ага, подошла, но натерла, – усмехнулся «жених» и по-

садил меня на капот машины, затем взял пластырь, сжатый в моей ладони и, присев на колени, заклеил волдырь, а потом подобрал кожаный сандаль и надел на ногу, аккуратно застегнув ремешок... – Так лучше?

– Ага, – кивнула, еле сдерживаясь, чтобы не заорать, потому что капот нагрелся на солнце и теперь моя задница практически пригорала на раскалённом железе.

– Очень приятно, – отец сделал шаг назад, чтобы рассмотреть меня, а я подыграла и прыгнула, отвесив реверанс. – И давно вы... кх-кх... Как это сказать... знакомы?

– Год, – одновременно ответили мы, и старик окончательно растерялся.

Блондин подмигнул мне и как-то по-хозяйски обнял, скорее, даже облапал, остановив ладонь где-то под грудью, едва касаясь кожи большим пальцем.

– Катерина, значит...

– Катенька, а это тот самый Алексей Тихонович. Но ты можешь называть его папа. Да?

– Ну, давайте не будем спешить, Александр, – рассмеялся его отец. – Мама в курсе?

– Нет, признаться, ты застал нас врасплох.

– Значит, вовремя... Ну что ж, Катерина, ждём вас завтра к ужину, а теперь мне пора. Дела. Всего доброго.

– До свидания, Алексей Тихонович.

– Скажи – папа. Старику будет приятно, – блондинчик разошёлся не на шутку, всерьёз решив зацеловать всю мою

правую часть лица. Едва касаясь губами кромки лба, щекоча своим вздохом. Хотелось закрыть глаза и остановить мгновение.

– Папа... – почему-то послушалась я, очевидно, это его голубые глаза на меня так действовали.

– Молодежь, – хмыкнул очумевший старик, сел в свою тачку и выехал с парковки.

– Бл***! – взревел Блондин и бросился к своему авто, забыв попрощаться со своей новоиспеченной невестой...

Глава 4.

Открыла глаза, боясь пошевелиться. Воспоминания назойливыми мушками крутились в голове, подкидывая картинки. Деревянный покатый потолок с окном в крыше успокаивал, значит, я дома. И все это мне, скорее всего, приснилось.

В открытую дверь на веранду пробирался ветерок, он поднимал кружевную занавеску, ударяя ею о замшевое кресло.

– Катюша, ты встала? – крикнула мама с первого этажа.

– Да, мам, – я потянулась и соскочила с кровати.

– Завтракать будешь?

– Конечно.

– Тогда умывайся и спускайся.

– Есть – умываться, – скинула пижаму и побежала в душ.

Прохладная вода забирала остатки сна, голова светлела, прогоняя дрему. Растёрла махровым полотенцем тело, обернулась в него и вышла на балкон. Облокотилась о перила и высунулась, чтобы вдохнуть аромат горячей листвы, цветущих яблонь и сырости, что тянулась с реки.

– Доброе утро, Катюша, – бабушка Оли уже копошилась в огороде, а заметив меня, разогнулась и помахала с соседнего участка. – Проснулась уже?

– Доброе утро, тётя Зина.

– Хороший денёк, идите на речку! Хватит в четырёх стенах сидеть, а то света белого не видите. Сейчас я Ольку разбужу. Она сегодня выходная.

– Хорошо, – я потянулась. Еще раз осмотрела округу и уже собралась было вернуться в дом, когда взгляд зацепился за чёрный джип, стоящий в конце переулка у заброшенного дома.

Участков в «Яблонево» было не много, все друг друга знали вплоть до дней рождений, поэтому я точно знала, что ни у кого из жильцов такой дорогой тачки не было. Очень странно. Я даже спряталась, чтобы не привлекать внимание, потому что на переднем сидении явно кто-то сидел. Затянула полотенце на груди крепче и резко выпрыгнула, но лишь легкая дымка пыли осталась на дороге, где еще недавно стоял внедорожник.

– Хм... Странно, – я упала в гамак, что висел на моем балконе и, перегнувшись вниз головой, наблюдала за чистым ярко-голубым небом.

Я обожала этот дом. Всем сердцем. Несмотря на год постройки, он был просторный, светлый, тёплый и очень комфортный. У нас всегда было две полноценных ванных, тёплый туалет и баня. На огромной веранде на лето развешивались гамаки и качели, а в столовой открывали все двери, впуская в комнаты аромат прелого леса. Зимой, когда жизнь замирала, мы собирались в гостиной у большого камина играть в нарды и валяться на пушистом ковре.

Сразу после моего рождения мансарду отдали под детскую, дед утеплил крышу, оборудовали душевую, туалет и застеклили балкон, где мы с девчонками играли в куклы даже в самые дождливые вечера, а у большого окна стоял старый лакированный стол, за которым я делала уроки во время учёбы в школе, а позднее штудировала лекции в универе.

Здесь не было холода современности, наоборот, старое дерево на полу и стенах дарило воспоминания, когда дом звенел детским смехом, гудел от посиделок под гитару до утра и трогательных романсов под фортепиано.

Комната у меня не очень большая, но просторная. Напротив большого окна стояла кровать, пара тумб и большой письменный стол у окна. В скатах крыши были оборудованы кладовые и гардеробная. Это был дом. Мой дом. Место, где живёт моя душа! Именно от этого было больно, вспоминая о неизбежном...

Застелила постель, натянула майку, джинсовые шорты, стянула волосы в пучок и помчалась по лестнице, переступая через одну ступеньку.

– Кать, тебе уже двадцать три, а ты до сих пор слонёнком по лестнице мотыляешься, – выдохнула мама, накрывая на стол в столовой. Она поправила скатерть, раздернула ворох тюли, впуская яркое солнце и замерла, на миг залюбовавшись открывающимся видом на лес.

– Фи, маменька, кто научил вас столь дурным словам? – рассмеялась и поцеловала её в макушку. Худенькая миниа-

тюрная женщина шустро носилась из кухни в столовую и обратно, сервируя стол так, будто мы ждали королеву. Мама всю жизнь проработала в филармонии, а пять лет назад ушла в местную музыкальную школу, учить жадных до музыки детишек играть на фортепиано.

– Вы с девчонками, кто же ещё? – взмахнула руками мама в сторону большой рамки, где разноцветным пазлом из фотографий были собраны самые яркие воспоминания нашей дружбы длиною в двадцать лет. – Нет-нет, а современное словечко вылетит.

– Блинчики, – заскакала я по столовой в радостном танце. – Доброе утро, солнышко!

– Прижмись, сейчас всю посуду мне разобьёшь, аж пол ходуном ходит от твоих танцев, – Мама выставила руки, чтобы я даже не приближалась к её раритетному буфету. – Катюша, просто сядь.

– Хорошо, – пожала я плечами, заняла свой стул, подвернула ноги под себя и достала телефон.

– Катерина! – в комнату мягким шагом вплыла бабуля. – Сто раз предупреждала тебя о том, что воспитанные барышни не сидят в телефоне за обеденным столом!

– Любовь Григорьевна, – убрала телефон, чтобы не злить своих женщин, и потянулась за блинами. – Прошу прощения.

– Руками! – бабушка легонько шлёпнула меня по пальцам и вручила вилку. – И где воспитание у современной молодё-

жи?

– Мам, ну ты-то не нагнетай? – мама сняла фартук и села на своё место. – Какие планы, дочь?

– Приберусь, а потом на речку, – мечтательно произнесла я.

– Давай отдыхай, у тебя отпуск раз в год, и то уже через неделю взвоешь от безделья и помчишься искать работу на лето, – Мама подмигнула и пододвинула креманку со сметаной ближе. – Ешь, а то кожа да кости.

– А вот это правда. Кто тебя замуж такую тощую возьмёшь?

– Думаешь, не возьмут?

– Если только отчаявшийся первый встречный, – усмехнулась бабуля.

– Вот прям первый встречный, – я прикусила язык, чтобы не рассказать этим чопорным дамам свой сон.

– Да, потому что к столь эксцентричной и тощей девушке нормальный молодой человек ни в жизнь подойдёт, – бабушка задрала нос, отвернувшись от меня, но не сумела сдержать улыбку, и наш дом снова наполнился смехом.

– Так, я на работу, – мама выскочила из-за стола первой, поправила платье и, раздав воздушные поцелуи, умчалась.

– Так, Катерина. У меня тоже планы на сегодняшний день, поэтому как закончишь завтракать, помоешь посуду, – Булечка уж очень резво спрыгнула со своего кресла и ускакала к себе в комнату. – Буду поздно.

– Катерина то... Катерина это... – проворчала для проформы я, и снова взобралась с ногами на кресло, чтобы спокойно посидеть в интернете, но дребезжание стеклянной двери нарушило мои планы. На веранде топтались Таша и Оля, отчаянно размахивая руками, будто их можно было не заметить.

Встала и открыла все двери на веранду, впуская не только утреннюю свежесть, но и перевозбуждённых подруг.

– Так ты не шутила? – первой взвизгнула Оля, хватая меня за руку.

– Вам уже не десять, чтобы приходить, перелезая через забор, соседки. Есть же дверь.

– Говори немедленно!

– О чем?

– О Цареве, о чем же ещё? Ты серьезно решила взять его в оборот? – Наташа села за стол и стянув пару блинов с моей тарелки, щедро залила их сгущенкой и тут же отправила в рот.

– Вы бредите? – паника внутри меня стала нарастать, а утренние картинки, что я спросонья приняла за сон, обрели реальные черты. – Черт!

– Что? – хором спросили девчонки.

– Мне не приснилось? – я опустила в кресло, растерянно рассматривая мозоль на ноге. Видение Блондинчика, что так аккуратно приклеивал пластырь с динозавриками, отчетливо всплыла в мозгу, а мне стало плохо. Голова закружилось,

вокруг все поплыло.

– Рассказывай! – брякнула гейзерным кофейником Оля, требуя подробностей.

Деваться было некуда, поэтому пришлось рассказать о том, что произошло, пока мои девчата осаждали офис компании «СтройГрад».

– Она прикалывается, – отмахнулась Наташка и дёрнула очередную порцию блинов. – Ешь давай!

– Да мне в горло теперь ничего не лезет, – Оля была ошеломлена не меньше моего, поэтому нервно расхаживала по столовой, то и дело выглядывая на веранду, будто нас кто-то мог подслушивать. – Я кофе сварю. Меня это успокаивает.

– А чего нервничать-то?? Поздно уже, – Таша отобрала у меня кружку с остывшим кофе, и залпом осушила её, дёрнувшись от горьковатой гущи. – Тут тревогу бить надо. Подруженька наша умом тронулась.

– Наташ, ну что ты говоришь? – высунулась из кухни Оля и грозно потрясла кулаком в воздухе.

– Нет, ну а что? Наша мисс Невинность явно сбрендила. Сначала пригрозила его соблазнить, а теперь и вовсе утверждает, что он её жених. А кольцо где? А?

– А я тебе больше вообще ничего не скажу! – взревела я, устав от колкостей Соколовской. Пододвинула тарелку с блинами себе поближе, чтобы эта злючка не дотянулась и показала ей язык. – И вообще, вы чего, пришли мне мораль читать?

– Конечно! Где же это видано, чтобы от лучших подружек парней прятали? – Наташка поднялась и урвала всю стопку, оставив меня с пустой тарелкой в руках. – Ты думаешь, я поверю?

– А я и не заставляю тебя верить, – вышла на террасу и плюхнулась в деревянный лежак. – Больше я вам ни слова не скажу!

– Катюша, – Оля поставила на небольшой кофейный столик поднос и вручила мне чашку. – Просто это все так странно.

– Странно? – вылетела на веранду Наташка, опустившись в кресло-мешок со всей дури. – Она нас за нос водит! Я вот сейчас маме твоей позвоню и расскажу, что ты подпольную жизнь ведёшь.

– Да почему подпольную-то? – я закурила и отвернулась от двух пар недобро настроенных глаз.

– Потому что ты спалилась с поличным, поэтому и выдала эту бредовую идею, что первый встречный красавчик замуж тебя взять хочет. Признавайся, прятала от нас Царева?

– Вы меня лет двадцать знаете, я от вас даже блины спрятать не могу, – кивнула я на остатки своего завтрака в руках Наташки. – А тут мужик?

– Надоело враньё слушать! Не бывает сказок! Слышишь? Это в книжках только принц берет замухрышку замуж, а реальность другая!

– Замухрышку? – вскочила я с шезлонга, желая вцепиться

подруженьке в её наглые карие глазюки.

– Да! Сейчас я расскажу тебе, Катька, когда это началось! В декабре, когда ты вдруг взяла дополнительную группу по танцам, и почти три месяца работала, как проклятая. Но теперь-то мы знаем, чем ты там занималась! Правильную все из себя корчила! Тьфу, врунья ты, а не подруга!

– Танцевала я! Танцевала!

– Девочки, не ссорьтесь, умоляю. Ну, подумаешь, наша Катюша скрыла мужичка, но ведь все раскрылось? Давайте порадуемся и посплетничаем?

– Да я даже разговаривать с ней не хочу! – фыркнула Соколовская, вытерла жирные руки о джинсы и, ловко перескочив через забор, скрылась в яблонево́й роще.

– Вот и мучайся теперь от любопытства! – перегнувшись через кованное ограждение крикнула я ей вдогонку. – Попросишь ещё!

– Кать, ну правда, чего стесняться-то? Царёв и Царёв, привыкли бы все уже давно, зачем ждать статьи в газете?

– Что-о-о?

– Вот, – Оля ткнула мне в лицо экраном телефона, где в новостном паблике нашего региона разыгрывалась трагедия местного масштаба: *«Александр Царёв после продолжительных отношений с Кариной Килиной ушёл с головой в очередные отношения. Накануне нашим репортером был сделан кадр, на котором видно, как наследник строительной империи делает предложение какой-то блондинке, стоя на коле-*

нях...»

– Что? Да пластырь он мне клеил!

– Кать, ты и правда перегибаешь палку, – надула губы Оля. – Ну, не хочешь говорить про Царева, так и скажи. Но не нужно врать.

– Хорошо, – силы покинули тело, и я легла на лежак. – Не буду.

– Хорошо, тогда, может расскажешь правду, раз врать больше не будешь? – в пространстве между балясинами показалась мордочка Соколовской.

– Но и рассказывать я вам, курицам, ничего не стану!

– Доброе утро, дамы, – мужской голос прозвучал как раскат грома, унимая женскую истерику.

Глава 5.

– Я помешал?

Царёв стоял, опираясь на яблоню, затем лениво стянул солнечные очки и внимательно осмотрел нас с девочками. Не дожидаясь ответа, оттолкнулся от толстого ствола и вальяжной походкой двинулся к террасе, чуть затормозив на ступеньках.

– Катя? – он словно спросил разрешения подняться к нам, и только после моего вялого кивка подошёл ко мне почти вплотную и резко наклонился, повернув голову так, что было совершенно не понятно, целует он меня или что-то шепчет на ухо. Царёв, естественно, шептал. А я, естественно, опять застыла, позволяя делать с собой, что ему вздумается. – Мы можем поговорить?

– Нет!

– Нам пора, – защелкала Оля и крепко схватив раскрывшую от шока рот Наташку за руку, потащила её в дом, а уже через пару секунд хлопнула входная дверь, а затем и калитка.

– Понятливые, – выдохнул Царёв и улёгся в соседний шезлонг. – Это твои подружки? Как их зовут? И почему не познакомила?

Сегодня он выглядел иначе. Не было давящего строго костюма. Простые голубые джинсы, рубашка-поло, ворот ко-

торой был растегнут, в руке сжимал телефон и ключ от машины. Я отвернулась, чтобы откровенно не пялиться, не решив, что ему ответить. Но и сам Царёв диалог не спешил начинать. Так и лежали в шезлонгах, подставив тела утреннему ласковому солнышку.

– Поговорим? – лениво прошептал он.

– А есть о чем? – я села, откинувшись спиной на ограждение и закурила, снова рассматривая моего «жениха».

Царёв резко открыл глаза, чуть искривился, глядя на сигарету, но говорить ничего не стал. Хотя этого и не нужно было. Уж слишком выразительный взгляд был у моего гостя.

– О нас, – вдруг улыбнулся он, поворачиваясь к мне, затем ловко перевалился на бок, подперев голову рукой и стал откровенно рассматривать, как цацку на витрине.

– Вы что-то путаете, Александр. Нас – нет. Тот цирк, в котором мне выдалось поучаствовать, был разовой акцией, поэтому и разговаривать нам не о чем.

– Цирк? – наигранно опечалился он. – А мне понравилось. Очень органичная мы с тобой пара.

– Пара? Уважаемый жених, но мы с вами совершенно не знакомы.

– Меня Александр зовут, тебя Катерина. Я все помню. Что уж ты так сразу категорично?

– Александров в стране море, что, мне теперь за каждого выходить по-вашему?

– Катерин не меньше, но я выбрал тебя, – он улыбался,

как кот, играющий с мышкой. Его явно забавила вся эта ситуация.

– А я тебя не выбирала.

– Придётся. Выбора у тебя нет.

– С чего это?

– Потому что я-то тебя выбрал уже. Дело в шляпе, – его наглый тон уже бесил. Чувствовала, что заливаюсь краской, но ему и это нравилось. Он словно эмоции мои своими глазами жадно пожирал.

– Сейчас мне так хочется вас ударить!

– Чего ты хочешь? – он проигнорировал угрозы, лишь игриво подмигнув мне.

– Чтобы ты исчез из моей жизни и статейки свои забери!

– Какие ещё статейки? – улыбнулся Царёв своей обворожительной улыбкой. Признаться, на мгновение я даже подвисла, рассматривая его уж слишком идеальное лицо.

– Ой, только не надо спектаклей, договорились?

– Я и пытаюсь с тобой договориться, Катенька. А вот ты совершенно не желаешь идти на контакт. Обидно даже.

– Сашенька, а не пойти бы тебе... домой?

– Грубо, – рассмеялся Царёв. – Отцу бы понравилось, а вот Маман бы рухнула в обморок.

– Меня это каким боком должно волновать?

– Очень грубо, дорогая. Не перебарщивай.

– Какая я тебе дорогая? – вспыхнула я, ощущая румянец, что заливает мое лицо.

– Тренируюсь, – пожал он плечами и снова улёгся на шезлонг.

– Можешь не утруждаться, не пригодится. Во всяком случае, не со мной.

– Кать, я предлагаю договориться. У любого человека есть потребность, поэтому я приехал сюда, что узнать...

– Узнать мою цену? – перебила я его.

– Просто послушай...

– Я даже слушать не стану!

– Конечно, станешь. Любопытство в женщинах заложено с момента зачатия.

– То есть, ты думаешь, шустрые сперматозоиды из любопытства ищут яйцеклетку?

– А ты забавная. Раз уж вчера так сложилось, что...

– ...что ты сделал мне предложение?

– Допустим. И не перебивай, так беседа будет намного эффективней.

– Но скучнее.

– Но короче.

– А может, я люблю поболтать?

– Я уже оценил твой недостаток, – Царёва явно заинтересовал наш спор, потому что он скинул ноги с шезлонга и снова начал играть в «гляделки». В нем было что-то странное... такая необычная комбинация игривости и жёсткости во взгляде, в выражении лица и в жестах. Он словно держал себя в руках, тщательно анализируя каждое своё слово, шут-

ку и, возможно, взгляд. Ну, точно клоун. Внешне весел, а внутри?

– Хам, – выпалила я и отвернулась, чтобы не видеть его.

– Грубиянка.

– Приятно познакомиться.

– Я предлагаю тебе поиграть в игру.

– Фиктивный брак?

– Именно, правда, измарать страничку в паспорте все же придётся, да и фамилию сменить, ну. а с остальным мы разберёмся.

– П-ф-ф... – встала я, затушила сигарету и даже дружелюбно улыбнулась. – Ерунда какая.

– Вот и славненько, – потёр он руки, словно все было решено.

– Я сейчас, погоди.

– Ты куда?

– Неотложку тебе вызову, Блондинчик! И экскаватор, чтобы вывезти тебя отсюда к черту на кулички!

Бродила по дому от одного окна к другому. Как только я хлопнула дверью перед его носом, очумевший Царёв ушёл. Я думала, он взорвется от гнева, во всяком случае, его лицо больше напоминало переспелый помидор. Очевидно, что он ненавидел, когда с ним спорят и уж тем более не подчиняются его бредовым идеям. Козел!

Наверное, привык все контролировать. Наверное, и план уже составил на пять лет вперёд? Невыносимый! Просто

невыносимый! Говорит, а глазища так и сканируют, роется в мозгах, путает мысли. Да и вообще! Ведёт себя, как хозяин!

Он серьезно думает, что это вот так делается? Можно играть людьми, их чувствами ради своей выгоды? Ещё глаза ему такие выразительные достались, будто специально, чтобы он мог гипнотизировать и вводить в ступор. Внутри все клокотало, мысли вновь и вновь возвращались к этому странному разговору. Возможно, нужно было дать ему шанс рассказать про свои условия, но я не могла.

Желание расцарапать его лицо было настолько сильным, что ногти вонзались в мои ладони. Поэтому и сбежала.

Рухнула на кровать, уставившись в белый потолок. В носу до сих пор стоял его навязчивый аромат, а сердце выполняло кульбиты. Бросила сопротивляться любопытству и достала из ящика планшет.

– Открой мне свои секретки, господин Царёв...

В интернете была просто куча его фотографий. И все с девушками. А вот статей оказалось вовсе не много, будто чистились регулярно. Я даже огорчилась, рассчитывая на увлекательное чтение. Сухая биография, факты, что нарыла позавчера Наташа. Хотела я уже заблокировать экран, чтобы он не смотрел на меня, как взгляд зацепился за интервью Карины Килиной. Недолго думая, я ткнула пальцем в видео и кокетливый тонкий, но показавшийся очень противным, голос, заполнил мою комнату:

«Мы С Александром скоро удивим вас замечательной но-

востью. А пока не пытайте меня, дорогие... Скоро вам будет что обсудить...»

Я нажала на паузу, рассматривая миниатюрную брюнетку с чёрными, как ночь глазами. Она была настоящей красоткой. Длинные волосы спадали аккуратными волнами, обрамляя до жути милое личико. Девушка была настолько органична, с открытой улыбкой, но вот глаза... Такие холодные, жалящие и совершенно не дружелюбные. От неё же фальшью несёт за километр!

Что я делаю? Зачем? И сдался мне этот блондин и его брюнетка? Жениться надо? Вот пусть на ней и женится. К тому же, она явно не против. А я пойду на пляж!

Глава 6.

Переделась в купальник, бросила в сумку планшет, очки, полотенце и бутылку воды, выбежала из дома. Когда вышла из калитки, застыла, в паре метров от дома снова стоял тот самый большой чёрный джип, в котором сидели два здоровячка в костюмах. Они без единой эмоции наблюдали за мной, как за зайцем на пристрелке, совершенно никого не боясь. Деваться было некуда, поэтому я помчалась к речке, надеясь, что за мной не бросятся в погоню.

Кать, ну угомонись! Кому нужна училка танцев, работающая днём в детском садике, а вечерами в ДК? Бред. Это все Наташка со своими сводками светской жизни. Все мозги мне запудрила.

– Какие люди, – крикнула Соколовская, когда я плюхнулась на покрывало. – Уже закончили?

– Что?

– Миловаться, что же ещё?

– Кать, ну расскажи. Не вредничай, – Оля перевернулась со спины на живот, уперевшись в меня искрящимся от любопытства взглядом.

– Я вам ничего рассказывать больше не стану! – скинула сарафан и помчалась в воду, чтобы охладиться, а то неровен час голова закипит.

– Катька, да мы же добра тебе желаем! Бросай его первой, пока не поздно! Потом будешь сопли на кулак наматывать, – взвыла Наташка и бросилась следом в воду. – Ну, посмотри на него и на себя. Видела, какая тачка у него? Она же стоит, как все дома на твоей улице. Не по Сеньке шапка, переоценила ты свои силы. Главное – признаться и вовремя слинять, пока не влюбилась в него по самые уши.

– Таш, ну, ты тоже палку не перегибай. Вдруг он сам влюблён?

– В кого? В Катьку нашу? – опушала Таша и стала лапать меня взглядом, как кусок мяса на рынке.

– А чем наша Катюша не хороша? Ты посмотри, какая красавица, а фигуру ты её видела? Так открой глаза свои злющие и ещё раз позавидуй.

– Боже! Соколовская, с тобой пообщаешься, в психушку удрать хочется или повеситься. И как это мне в этом идеаль-

ном мире такой неидеальной жить?

– Кать, да я не со зла же, – умерила свой пыл Соколовская. – От обиды. Знаешь же, что я падкая на красивых мужиков.

– Наташ, эта тема закрыта, и Царева мы больше не обсуждаем, – я воткнула в уши наушники, врубила музыку и подставила тело солнцу.

Чувствовала шебуршание подруг, их смех слышала, но потом вдруг все стихло. Злость закипала во мне. С появлением этого красавчика в моей жизни все пошло наперекосяк, даже подружки любимые и то ополчились. А разве я этого хотела? Внезапная тишина настораживала. Что они там задумали? Открыла глаза, напоровшись на Царева, что сидел на поваленном дереве и вертел мою пачку сигарет, затем убрал к себе в карман, стянул с себя футболку и опустился на покрывало рядом.

– Мы не договорили, Катерина, – игривый тон, которым он говорил со мной утром исчез, уступив место холодному проговариванию каждого слова.

– Александр, мы с вами не договоримся, – зашептала я, озираясь по сторонам. Мои тактичные подружки загорали на пирсе, лишь изредка бросая на нас вопросительные взгляды.

– Договориться можно всегда. И я готов пойти на многое ради твоего согласия.

– Убьете меня? – подскочила я, но забыла, что перед загаром развязала лямку лифчика от купальника, поэтому он тут

же рухнул мне на колени, обнажая грудь, что сейчас практически упиралась в лицо, приподнявшегося на локти Царева.

– Хм... – откашлялся он и тактично отвернулся.

– Черт!

– Решила с козырей пойти?

– Может, это ещё не козыри? – я готова была расплакаться от позора. Такого со мной ещё никогда не случалось. Бросила взгляд на девок, что, зажимая ладонями рты, ржали, перекатываясь по пирсу. Завязала купальник на узел, сомневаясь, что вообще смогу его дома развязать.

– Может, вы недооцениваете свой расклад карт?

– Вы сюда в карты пришли играть, что ли? Ничего не пойму.

– Кать, я выполню любые ваши пожелания в обмен на услугу.

– Любые?

– Кроме противоречащих законам Божиим.

– Не возжелай жены ближнего?

– И это тоже. Катерина, я готов рассмотреть список пожеланий любой длины.

– Любой?

– Абсолютно.

– Тогда вы рискуете быть разоренным, и тогда смысл операции теряется.

– Сегодня, если ты помнишь, нас пригласили на ужин. Поэтому предлагаю познакомиться с моей семьей, а потом я

обещаю, что дам тебе время все обдумать.

– Нет, Царёв. Ты и правда думаешь, что можешь вот так ворваться в мою жизнь и заставить плясать под свою дудку?

– Кать, это ужин. Просто ужин. Ни к чему не обязывает. Я доставлю тебя в целости и сохранности.

– Зачем тебе это?

– Бизнес.

– Нет, Царёв. Раз уж ты втягиваешь меня в свою мутную схему, то я хочу услышать честный ответ.

– Это дело всей моей жизни, пока старший брат проматывал родительские деньги в Америке, где якобы учился, я корпел на стройке после пар, – Александр достал мою сигарету, вложил её в губы и провернулся, очевидно прося огня. – Закончил универ и отправился не в офис штаны просиживать, а на стройку, опыта набираться. А теперь я должен отдать все в его руки? Нет. Это дело моей семьи, и хотят они того или нет, я его продолжу.

– Почему отец любит больше старшего сына? – чиркнула зажигалкой, не сводя глаз с его напряженных губ.

– Ты с чего так решила? – резко затянулся он, удерживая дым в легких.

– Это бросается в глаза.

– Любовь – это чувство, там нет цифр и расчётов. Поэтому этого я сказать не могу. Но думаю, что просто понимает, что если дед утвердит меня, то ему придётся уйти, а с Борисом есть шанс побыть у штурвала. Но я могу и ошибаться. Один

ужин, Катерина.

– Хорошо.

– Тогда мы уже опаздываем...

Я то и дело выглядывала, чтобы убедиться, что это не сон. Блондинчик терпеливо ждал у своей блестящей чёрной тачки, непрерывно разговаривая с кем-то по телефону, лишь изредка бросая взгляд на балкон моей комнаты, что выходил на дорогу.

– Вот, красное! – Наташка вытащила из кладовой платье в каких-то диких пайетках, очевидно ещё со школьных праздников и победно затрясла им в воздухе.

– Нет, это все не то! – я досушила волосы феном, схватила полотенце, чтобы прикрыться и вышла на балкон. – Милый, а что надеть?

Царёв сначала не понял, что обращаются к нему, а потом медленно поднял голову, ослепляя томных девок своей лунчезарной улыбкой.

– Дорогая, это семейный ужин, можешь хоть в купальнике явиться.

– Хорошо, милый. Уже скучаю, – хихикала я, наблюдая за эмоциями, что сменяли одну за другой на его лице.

– Жду, дорогая.

Я отвернулась, чтобы не показать глупую улыбку

– Кх-кх-кх... Милая, ты же понимаешь, что прикрываешься полотенцем только спереди? – Царёв и не думал от-

ворачиваться.

Взвизгнула и исчезла в комнате. Закрылась в гардеробной, слушая глупое хихиканье подруг. Голова кружилась, а в груди затаилось предвкушение чего-то необычного. Хотя ситуация мне и не нравилась, но свежий ураганный ветер, ворвавшийся вместе с голубоглазым красавчиком в мою жизнь, явно нёс перемены. А этого мне сейчас так не хватало. Приключения! Открыла глаза, осматривая себя в зеркале. Не знаю, что не нравилось Наташке, но внешностью меня родители не обделили. Рост выше среднего, отличная фигура, длинные стройные ноги, светлые волосы аккуратными завитками рассыпались по плечам, что ещё нужно? Сбросила полотенце и снова нырнула к шкафу с одеждой.

Выбрала платье-пиджак песочного цвета и новые, так и не выгулянные лодочки в тон. Покрутилась у зеркала и довольная вышла к подругам.

– Ну, Наташка? Достояна наша Катька твоего Царёва?

– Во-первых, это её Царёв. А во-вторых, подруга, ты шикарно выглядишь.

Это кто кого ещё достоин? Снова краем глаза осмотрела себя. Кожа, успевшая напиться солнышком, красиво оттеняла холодный песочный цвет платья, вот только с волосами нужно было что-то придумать. Собрала их в низкий пучок, заколола шпильками, махнула полупрозрачным блеском по губам и, скинув все самое необходимое в сумку, повернулась к девкам.

– Пошла...

Выскочила из дома и затормозила в Яблоневой роще, чтобы отдышаться и не показывать, что неслась к нему, как угорелая. Выдохнула и медленной поступью вернулась на дорожку, стук каблуков по которой заставил Царева обернуться.

– У тебя же мозоль, – закатил глаза он, подавая руку, чтобы помочь сесть в машину.

– Сланцы с ананасиками надо было надеть?

– Сейчас никто не видит, сними их сейчас же!

– Куда едем?

– Сначала домой, мне нужно переодеться.

– Домой?

– К нам домой, дорогая.

– Как скажешь, милый...

Глава 7.

В машине поговорить не удалось, потому что его телефон не замолкал. Царёв ловко перестраивался из одного ряда в другой, пытаясь скорее миновать пробку, параллельно давая указания на непонятном мне языке. Говорил по громкой связи, периодически просматривая документы в телефоне, подруливая коленом. И совсем не обращал на меня никакого внимания. Сначала мне было очень неловко, сжимала коленки, потому что из-за низкой посадки авто, казалось, что мои голые из-за дурацкого платья ноги слишком привлекают к себе внимание. Но нет. Он даже глазом не повёл, открывал и закрывал бардачок машинально, даже не смотря! Умудрился ни разу не коснуться, ловко держа дистанцию между нами.

– Приехали, – прошептал он, припарковавшись в подземном паркинге дорогого жилого комплекса.

– Я тут посижу.

– Выходи, – внезапно рявкнул он, открывая мне дверь и вновь вернулся к телефонному разговору.

Я напятила лодочки и двинулась за ним по полупустому паркингу в сторону лифта. Как только створки закрылись, очевидно, и связь прервалась, потому что Царёв чертыхнулся, убрал телефон в карман джинсов и сосредоточился на мне, будто я была следующей в списке его дел.

– Как мы познакомились? – я отвела взгляд, не в силах выдержать напора его энергии.

– В смысле?

– Ты и правда думаешь, что тебя не начнут заваливать вопросами?

– Хм... Логично. Быть может, в баре?

– Давай в баре. В каком?

– «Джипси»?

– В жизни там не была, – лифт приятно звякнул и створки открылись прямо в квартире. Моя челюсть чуть не отвалилась от неожиданности. Александр же выскочил и, снимая на ходу футболку, бросился вглубь своей квартиры.

– Располагайся, чувствуй себя как дома. До-ро-гая... – последнее слово он так сладко отчеканил, будто и правду тренировался.

– Спасибо.

Планировка квартиры была странной, но оригинальной. Здесь не было привычного коридора, прихожей, типичных шкафов. Как не было и стен, перегородок, словно владелец хотел наполнить помещение воздухом. И надо признаться, это получилось превосходно. Зоны делились многоуровневым полом: зона кухни с островом из чёрного мрамора и зона столовой с длинным деревянным столом была утоплена, а гостиная с большим п-образным диваном, наоборот, возвышалась на подиуме. Несмотря на откровенную брутальность, в интерьере был уют: и живые цветы в вазах, и тропи-

ческие растения с огромными пальмовыми листьями, и текстиль приятной сдержанной расцветки.

Прошлась беглым взглядом по поверхностям, не знаю, что я планировала там найти, возможно женский след, но было пусто.

– Кофе? – раздался крик справа, я обернулась, увидев тёмный коридор, очевидно, там прятались жилые комнаты.

– Да, – зачем-то кивнула я.

– Тогда свари и на меня? Кофемашина умнее человека, поэтому просто выстави 2 порции.

Я проследила источник звука и вздрогнула, опираясь на стеклянное ограждение второго этажа, стоял Александр в чёрном халате и отчаянно сушил голову полотенцем.

– Какая красивая квартира, – скинула лодочки, наслаждаясь довольно ярким рельефом деревянного пола.

– Кофе сваришь, поднимайся.

– Нет, спасибо, – как-то неожиданно резко ответила я.

– Думаешь, случится непоправимое? – замер Царёв, внимательно осматривая меня, затем рассмеялся, словно это было чем-то из ряда вон выходящим. Конечно, кто я, а кто он? У него, наверное, не женщины, а сплошные фотомодели и мисс-Вселенные.

– Думаю, что и так наделала необдуманных поступков, за которые, очевидно, придётся рано или поздно отдуваться.

– За все платить приходится, Катерина.

– И я о том же, поэтому, пока не поздно, отступись.

– Поздно, – Царёв скрылся за матовой белой дверью.

– Нет, – я нашла кофейные чашки, быстро разобралась с умной машиной и уже через мгновение нос защекотал аромат кофе. Помедлила, принимая решение, стоит ли подниматься к нему на второй этаж. Черт! Да он так рассмеялся, дав понять, что не интересую его, как девушка.

Плюнула ему в чашку, но в последний момент поменяла местами, потому что воспитание бы не позволило смотреть, как он это пьёт и отправилась к темному коридору, откуда, отказывается шла винтовая лестница на второй этаж.

– Остановить ложь никогда не бывает поздно, – прошептала, стараясь не пролить кофе, пока поднималась.

– Тогда почему ты не призналась своим подругам, что мы с тобой даже не знакомы, – дверь в спальню открылась так резко, что я чуть не уронила поднос.

– А я призналась, – пожала плечами и вошла в комнату.

Спальня была ещё более невероятной: темные деревянные рейки струились по стенам, то и дело меняя направление, чем ломали привычное восприятие пространства. Я будто в кубике Рубика застряла. Вручила ему нормальную чашку кофе и отправилась осматривать холостяцкую территорию. То, что здесь не было женщины – факт, иначе бы все поверхности были бы завалены милыми мелочами, но здесь было стильно и абсолютно стерильно. Как на фото в дизайнерских журналах. За деревянной перегородкой оказалась огромная белая кровать, стоящая прямо напротив панорам-

ного окна.

Справа были открыты две двери в кабинете и ванную, а слева в гардеробную.

– А они?

– А они не поверили, – я немного стушевалась, не найдя дивана, поэтому пришлось сесть на край кровати. У меня тут же перехватило дыхание от открывающейся красоты: панорамная картинка города завораживала, он будто был на ладони, хвастаясь зеркальными высотками, извилистой набережной и яркими бликами автомобильных фар, что извивались в привычной пробке.

– Почему?

– Потому что поверить в договорное предложение руки и сердца от принца сложнее, чем в то, что такая замухрышка как я, может понравиться такому как ты. Правда, и эта версия привалилась с треском, потому что Наташка пришла к выводу, что замухрышке, то есть мне, ничего не светит ни в первом, ни во втором варианте развития событий. Поэтому, как понимаешь, без вариантов.

– Оригинально. Твои подруги – мастера топтать самооценку, – рассмеялся Царёв, выйдя из ванной. – Спасибо за кофе.

– Это все умная машина. Ей спасибо. Значит, в баре?

– Да, – Царёв застыл у двери в гардеробную, рассматривая меня. Чувствовала его обжигающий взгляд кожей, но не шевелилась, украдкой подсматривая за ним в оконном отра-

жении.

– Что ты любишь? Чем увлекаешься? – горло почему-то пересохло, а голос пропал.

– Вся моя жизнь – работа.

– Человек же должен как-то отдыхать?

– Я отдыхаю дома, в кабинете.

– Когда последний раз был в отпуске? – не сдавалась я, в попытке узнать о нем хоть что-то.

– Лет пять назад.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать семь. Будет.

– Читаешь?

– В основном нужную литературу.

– Тачки? Курорты?

– Ты меня по всем шаблонам решила прогнать? – Царёв, очевидно, не выдержал моего вопроса и вышел из гардеробной, на ходу натягивая белую футболку. – Телки, ещё скажи, или это пламенная речь моего отца на тебя повлияла?

– Опыт моего общения с людьми, подобными тебе, стремится к нулю, поэтому я даже не понимаю, чем ты живешь.

– Я обычный человек, просто мои интересы не включают в себя чувства, хобби и увлечения. У меня их попросту нет. Зато есть цель.

– Какая же? – я обернулась, наткнувшись на его пронзительный взгляд.

– Живу работой, Катерина. Это все, что нужно тебе знать.

– Тогда становится непонятным, что я в тебе нашла и когда я это в тебе нашла, ибо в твой рабочий график втиснуться максимально сложно, насколько я понимаю. У тебя даже на домработнице вероятность жениться выше, чем на мне.

– Ну, это никого волновать не должно. Быть может, ты покорила меня своими ногами, – усмехнулся Царёв и наглым образом опустил взгляд на мои щиколотки, а потом двинулся выше.

– Ногами?

– Да. Или острым языком? – дойдя своим наглым рассмотрением до лица, он пропустил улыбку и вздернул бровь.

– Все равно, Александр, сомневаюсь я, что тебе поверят, да и смысла не вижу, потому что участвовать в этом фарсе я не хочу.

– Поехали? – Царёв последний раз посмотрел в зеркало и открыл дверь, пропуская меня вперёд.

Эх... Что за мужчина? Ладно, посмотрим, как ты в лужу сядешь. Отец его как фисташку расколет, засыпав вопросами обо мне. А я помогать не стану... Выкручивайся, Царёв!

Глава 8.

– Катерина, – двери распахнулись, и наигранно веселый отец предстал пред нами с распростертыми для объятий руками.

– Алексей Тихонович, – я исполнила знакомый ему реверанс, тактично отказавшись от объятий.

– Идём на задний двор, погода сегодня отменная, поужинаем на свежем воздухе. Как вы, Катенька, относитесь к ростбифу?

– Обожаю, по воскресеньям особенно, – я даже скривилась от его наигранной приветливости.

– Вот и прелестно! Мать, знакомься, – отец закрыл меня своим телом, очевидно, пытаясь создать интригу, но оказалось, что все не так-то просто. Царёв опустил на мои бёдра руки, прижав к себе спиной и отчаянно зашептал.

– Делай вид, что никого не замечаешь. Вороти нос и отвечай односложно. На колкие вопросы говори: нужно спросить у Саши....

Как только отец отошёл в сторону, я чуть не грохнулась в обморок. Это был не семейный ужин, а настоящий раут. Незнакомые многочисленные дамы сверкали бриллиантами, шокировали перьями и длиной платьев, а мужчины кучковались у бара, забрасывая меня любопытными взглядами.

– Добрый вечер, семья, – рассмеялся Александр и легонько подтолкнул меня вперёд, не выпуская из цепких объятий. Можно подумать, из этого зоопарка сбежать можно было.

– Мама, знакомься, это Катенька, – Царёв-младший нагнулся, чтобы поцеловать оторопевшую мать. – А это моя мама Юлия Викторовна. Добрая, отзывчивая, и совершенно не пристающая с вопросами, да?

– Да? – вместо утверждения, мама задала вопрос, но тут же рассмеялась, переведя свою растерянность в шутку. – Добро пожаловать. Мне Лёша говорил, что ты миленькая, но утаил, что просто красotka!

– Спасибо, Юлия Викторовна.

– А что это у нас за семейный ужин такой, – Саша прижал меня к своему боку, опустив руку на талию, – на который собрался весь свет этого города?

– Ой, вечно ты все преувеличиваешь, – отмахнулся Алексей Тихонович. – Все свои, ни единого постороннего.

– Привет! Поздравляем! Ура! – посыпалось со всех сторон.

К такому я готова не была. Толпа зашевелилась и стала приближаться. Незнакомые лица мелькали, как кадры фильма. Голоса, улыбки, искривлённые неестественной мимикой физиономии сменялись одни за другими.

Из меня будто энергию высасывали, слабость растекалась по телу, лишая твёрдости в ногах. Лишь когда каждый отместился и сказал кучу фальшивых стандартных пожеланий, го-

сти потеряли интерес и стали придвигаться к шатру, где уже вовсю накрывали для ужина стол. Чуть поодаль вышли повара в белоснежных кителях к большому мангалу и воздух стал наполняться великолепными ароматами.

Как только моя персона перестала вызывать бурю эмоций у собравшихся, Александр прекратил обнимать, а после и вовсе отошёл к мужчинам, что-то активно обсуждающим у бара возле бассейна.

Я крутила головой, пытаюсь рассмотреть все в этом великолепном саду. Темнота опустилась на деревья и тусклый мягкий свет подсветки утопил двор в волшебстве. Повсюду стояли огромные свечи, в кустах спрятались гирлянды, подсвечивающие закрывшиеся бутоны цветов, а каменные извилистые тропинки засверкали точечными светильниками, будто россыпью светлячков.

– Все хорошо? Прости, что оставил тебя. Нужно было решить пару вопросов, раз уж все собрались.

– Семья – это когда мама, папа и дед с бабушкой! – я одновременно испугалась его внезапного появления, но и успокоилась, потому что стоять в одиночестве было невыносимо.

– А как же собака, кошка, мышка и репка? – рассмеялся Царёв, заглядывая мне в глаза.

– Точно, смотрю на россыпь этих бриллиантов и сплошные Шанель, да Диор и думаю, кто это? А это же мышки, да репки!

– Мне тут тоже не очень нравится, – Царёв кивнул матери,

активно размахивающей нам, приглашая к столу и, протянул мне руку. – Ужинаем и исчезаем до салюта.

– До какого ещё салюта?

– Мама у меня любитель перфоманса, если нас не встретили шпагоглотатели, значит вечером будет фейерверк. Это точно. Поверь мне.

– Мы после семейных ужинов с семечками на веранде сидим, поглаживая полные животики, – ворчала я, прячась за широкую спину «жениха». – А они фейерверки пускают и шпаги глотают.

– Ладно, найду я тебе семечек, Белочка, не ворчи, – Царёв отодвинул для меня стул за длинным столом в белоснежном шатре. Мы оказались последними, поэтому все взгляды были прикованы к нам.

– Присаживайся, Катерина, – его мама как-то странно хлопала меня по руке. Ободряла, что ли? Или поддерживала? – Не обращай на гостей внимания. Они пришли вкусно поесть, выгулять новый наряд и разузнать новости, чтобы завтра было о чем посплетничать. Если бы мой сын потрудился предупредить мать, то ужин был бы на самом деле тихий и семейный.

– Юля, – Алексей Тихонович приобнял за плечи жену. – Ты очень серьезно ко всему относишься. Да и Катенька должна понимать, что в избранники себе выбрала не шофёра из пятой автобазы, поэтому пусть привыкает.

– Как же вы познакомились? – огненно-рыжая дамочка

напротив меня так и колола своим недобрым взглядом, нервно поглаживая ручку бледной юной девочки, что сидела рядом.

– Знакомьтесь, Любовь Аркадьевна, моя верная подруга...

– Только без отчеств, – замахала руками рыжая, перебивая Юлию Викторовну.

– В баре, – Царёв пожал плечами в свойственной ему манере и стал заполнять мою тарелку всевозможными закусками.

– У меня аллергия на морепродукты, – зашипела я, инстинктивно сжав Сашину ногу, очевидно, сильно вцепившись в него ногтями, наблюдая, как гора креветок упала рядом с листовым салатом.

– Это я себе, милая. Голоден, как зверь, – усмехнулся он, медленно убитая мою руку со своей ноги, и ловко поменял местами блюда. И теперь, прежде чем притронуться к еде, вопросительно смотрел на меня, пока не получит одобрения.

– Сильно не налегай на жареное, вечером организму не нужна такая нагрузка, дорогой!

– И в каком же баре появляется Александр?

– В «Джипси». У нас были переговоры с финнами, после чего остались выпить с парнями, – врал, конечно, Царёв гениально. Мне в жизни так ловко не миновать вопросов от мамы и бабушки, а он уплетал креветки за обе щеки, ещё и раздавать улыбки умудрялся.

– Что пили? – как-то слишком резко спросила Любовь, поправляя идеально уложенное каре.

– Водку, что ещё я могу пить?

– Катенька, вина? На красное вино у тебя нет аллергии? – Алексей Тихонович дал понять, что прекрасно слышит наши перешептывания и махнул официанту за нашими спинами. – Вино изумительное, идеально подходит под розовый сочный ростбиф, достал с секретной полки винного шкафа. Такой праздник в семье, не время скупердьяничать.

– Нет, аллергии нет, – я улыбнулась этому хитрому старикашке, что так внимательно рассматривал меня, словно через лупу.

– А фамилия у тебя какая? – внезапно спросил Царёв-старший, сверля сына взглядом.

– Ростова, – и глазом не моргнув ответил он.

– Катерина, а по знаку зодиака ты кто? – снова влезла Любовь, уловив тайный замысел Алексея Тихоновича.

– Что за бред, Любовь Аркадьевна? – Саша даже жевать перестал, смерив гостью напряженным взглядом. – Гороскоп опять вошёл в моду? Чего дальше ждать? Расклад на картах? Хотя, я с утра уже наблюдал один занимательный расклад козырей.

– Нет, Сашенька, просто любопытно, – женщина сменила тон, заискивающе улыбаясь Цареву.

– Катенька у нас Львица, поэтому будьте осторожней, – вновь вернулся к закуске. – Виктор, а можно мне кофе?

– Да, Александр Алексеевич, пара минут, – официант растворился в густой заросли живой изгороди.

– Когда у тебя день рождения? Нужно подготовишься заранее, чтобы не получилось, как сегодня, – захлопотала Юлия Викторовна.

– Двадцать пятого июля, – снова коротко ответил Царёв, отодвигая тарелку. – Кать, ты чего не ешь? Давай, а то бледная, как простыня. Вечером опять кусочничать побежишь?

– Вы и живете вместе? – вскрикнула Любовь, привлекая к нашему краю стола всеобщее внимание, и как-то неуклюже взмахнула рукой, опрокидывая бокал красного вина своё белое шелковое платье.

– Любовь Аркадьевна, карма никогда не заставляет себя ждать долго, – рассмеялся Саша и совершенно по-хозяйски обнял меня за плечи. – Попробуй ростбиф, он просто тает во рту.

Я машинально схватила нож и вилку, наколола кусочек сочной говядины с листьями рукколы и отправила в рот, чтобы просто не заорать от услышанного.

Царёв все обо мне знает? Когда успел нарыть? И почему ничего об этом не сказал? А ведь и правда, за время нашего общения он не задал ни единого вопроса! Будто и так все знал. А я ещё хотела поймать его! Да он сам кого хочешь поймает!

– Боже! Сразу после Сашкиного, – охнула мама и от необъяснимого восторга закрыла рот ладонями. – Это пре-

лестно!

– Мам, прелестно – это когда разница не в один день, а в годах, – рассмеялся Царёв, положил руку на мое кресло и так странно посмотрел в глаза. – Пятнадцать лет. Не страшно?

– А мне-то чего бояться, – я взяла бокал, сделала глоток, не прерывая нашего зрительного поединка, хотя внутри все кипело. – Ты-то справишься?

– Ай, молодец, – рассмеялся отец, с интересом наблюдая за нами.

– Поздно, деточка, – вдруг прошептал Царёв-младший, наклонив голову так, чтобы никто не увидел его наглого и по-мальчишески озорного взгляда, в котором сейчас плясали черти. – Ты уже попалась.

– Нет, дорогой, – улыбнулась самой очаровательной улыбкой из своего арсенала. – Сам попался!

– Что там по поводу «Яблоневого»? – сменил тему Царёв-старший.

– Все по плану, – равнодушно ответил Александр, не сводя с меня пристального взгляда.

При упоминании моего посёлка, я поперхнулась, а на спину тут же легла его рука, словно он ждал реакции. Конечно!

– Все хорошо, дорогая? – прошептал он мне на ухо, убирая с виска выпавшую прядь за ухо. – Ты как-то внезапно покраснела.

– Когда суд?

– В июне.

– И что? Дело в шляпе, я надеюсь?

– Юристы работают, – Царёв вновь приобнял меня. В его прозрачно-голубых глазах плясали восторги племени победы. Он словно нашёл то, что искал. – Ты не замёрзла?

– Нет.

– Когда запланирован снос? – не унимался отец.

– Думаю, эта задача имеет высокую приоритетность, поэтому мы бросим все силы и выполним демонтаж раньше срока.

– Вот это прелестно! – довольно крикнул отец, откинувшись на стул и с удовольствием отпил вино, посмаковав его во рту перед глотком. – Люблю хорошие новости.

– Нам пора, дорогая, – Царёв, отбросил салфетку и подал мне руку. Спорить с ним не то, что не хотелось, больше всего я хотела оказаться в своей комнате на чердаке в «Яблоневом». Подальше от этих кровожадных взглядов, фарфоровых улыбок и блеска бриллиантов.

– Катя, мне жаль, что так все вышло, – Юлия Викторовна как-то искренне обняла меня, проведя руками по волосам. – Приезжай завтра? Мы поболтаем, Галина приготовит нам что-нибудь вкусное

– Завтра у меня переговоры, – Саша взял меня за руку.

– А ты тут при чем, сын? Я пригласила будущую невестку, а не тебя. Если честно, то у меня в голове не укладывается, как ты умудрился понравиться этой милой девочке? А главный вопрос – когда? У тебя времени нет к матери на обед

заскочить, а тут невеста.

– Ой, мам, я ради любви готов на все! – довольно театрально сказал Царёв, обнимая мать.

– Саша, привези Катюшу завтра на обед! Иначе я сама приеду к вам на завтрак!

– Мам, я тоже люблю тебя! Пока!

Всю дорогу мы ехали молча, Царёв все время улыбался и быстро барабанил пальцами по рулю, явно о чем-то размышляя.

– Говори уже, – выдохнула я, заметив знакомый деревянный забор с кованной надписью «Яблоне́вый».

– Что? – Саша въехал в ворота и свернул на мою улицу.

– Ты так противно улыбаешься, что меня уже мутит!

– Тебя мутит, потому что ты ничего не ела.

– Так, Царёв, – выскочила я из машины и вбежала в калитку, чтобы скрыться от него за кованными забором. – Ты собирал обо мне информацию?

– Конечно, я же должен знать все о своей невесте.

– Стоп! Александр Алексеевич, мы договаривались на один ужин! И я выполнила то, отчем ты просил. Ни о каком браке и речи быть не может!

– Ты уверена? – Царёв подошёл к калитке, обхватил прутья, взяв мою руку в свою. Глаза его сверкали даже в темноте, яркий аромат цитруса, оттеняемый пряным табаком и бергамотом, впорхнул в нос вместе с его выдохом, и голова закружилась.

– Ещё как! То, что у тебя много денег не означает, что ты можешь манипулировать людьми!

– Так, я сейчас озвучу свои условия и готов выслушать твои, как только ты созреешь, Катерина. Ты получишь то, что захочешь, если станешь моей женой на год. Перед тобой откроются все дороги, и уже никогда не закроются, слово даю. Но ты станешь моей на год.

– Ты больной.

– Возможно, но это мои условия.

– Прощай, Царёв.

– До встречи, Ростова, – Он отпустил мою ладонь, быстро сел в машину и уехал...

Глава 9.

– Ростова! Вставай! – крик с первого этажа разбудил меня. И это был вовсе не вкрадчивый голос мамы, а бас Севы Батюка.

– Батюк! – завизжала я и, завернувшись в плед, выскочила на лестницу. – Восемь утра! Восемь! Какого черта?

Мой любименький дружок сидел на последней ступени и чинил мясорубку, что спалила вчера мама. Она всегда его напрягала домашними делами, пользуясь мужскими руками.

– У меня выходной, поэтому собирай свою жопку и идём на пляж. Вот только позавтракаю, – Костя помахал мне и ушёл на кухню. – Ирина Николаевна, все готово. Теперь мне можно вот тех пирожков? Руки я помыл.

– Нахлебник, – сбросила пижаму, умылась и натянула джинсовый сарафан. – Мама, прекрати его подкармливать, говорят, потом не выгнать вот таких гостей.

– Кать, я его с первого класса подкармливаю, – мама поймала меня на последней ступени лестницы, не позволив броситься на нагло улыбающегося Батюка.

– Знаю, поэтому он вот так бесцеремонно вламывается в дом! Говорю же – не выгнать!

– Какая муха тебя укусила? – вступилась бабушка, обожающая Севу нежной любовью. – Что ты накинулась на маль-

чика?

– Мальчика? – я сняла с огня гейзерную кофеварку и пошла в столовую, где на веранде уже был накрыт круглый стол с белой скатертью. – Разве мальчики бывают двухметровыми, бабушка? Я думала, что это уже называется мужчиной.

– Кать, – опустил голову Батюк, стреляя в меня виноватым взглядом. – Ну, ладно тебе. Кто обидел?

– Её попробуй обидь, – хихикнула бабушка, выкладывая горячие булочки на блюдо. – Сама кому угодно голову откусит.

– Поэтому и одна до сих пор, – заржал Сева, неся булку ко рту, но я ловко вырвала его добычу и забрала себе корзину с дымящимися круассанами.

– Бабуля, – заныл он, давя на старушку сверхжалобным взглядом.

– Катерина! – бабушка хлопнула по столу рукой, и мы притихли. – С самого садика цапаются! Когда вы уже мирно жить начнёте?

– Никогда! – хором ответили мы и отвернулись друг от друга.

– Кать, а ты во сколько вчера вернулась? – Мама забрала у меня из рук булки, выставила их в центр стола, а на мою тарелку положила сосиски в тесте.

– А где ты была? – Сева забыл про обиду, обернувшись ко мне.

– С друзьями ужинала, – пожала плечами я, вспоминая

чисто Царёвский жест.

– С какими?

– Сева, жуй, а то в твой рот оса залетит, как в прошлый раз!

– Там шмель был! Гигантский!

– Оса!

– Шмель!

– Стоп-игра, – на этот раз не выдержала мама. – Ни на какой пляж вы не пойдёте одни!

– С чего это? – снова в голос вскрикнули мы.

– Да вы же утопите друг друга, а дочь у меня одна, – Мама разошлась не на шутку, размахивая салфеткой. – Вас вообще нельзя одних оставлять.

– Чую я, они и стариками будут тросточками драться, – прыснула от смеха бабушка, явно представив абсурдную картинку.

– Я её в дом престарелых сдам, – улыбнулся Сева.

– За что? – охнула Мама.

– Так кто её замуж возьмёт? А мне такая сварливая бабка на шее тоже не нужна.

– Я убью тебя, Батюняша!

– Прямая угроза! Вообще-то я юрист, если ты помнишь.

– Да ты такой же юрист, как я бухгалтер!

– Или балерина, – в конец расхохотался Сева, протягивая ко мне свои руки.

– Отвали. Мам, ну, не пускай ты его, сколько можно по-

вторять?

– Больше не буду, – шикнула мама. – Все! Хватит.

До конца завтрака за столом воцарилась тишина. После того, как со стола все было убрано, а воскресная посуда перемыта, я пошла собираться на речку. Аномальная майская жара плавila мозг с самого утра, поэтому нет лучше места, чем берег, рядом с шуршащей прохладной водицей.

Мама, естественно, слово своё не сдержала и отказалась топтать с нами по пеклу, усевшись за фортепиано на веранде. Мы вышли в сад, что так сладко пах на такой жаре, а звук музыки становился все тише и тише.

– Я женюсь, – наконец-то сказал Севка, примирительно-сти беря меня за руку.

– Что? – я даже вздрогнула от неожиданности.

– Да, Кити. Света беременна.

– Я поздравляю тебя, папаша! Это же нужно отметить!

– Как думаешь, я правильно поступаю? – Сева взлохматил свои волосы, выдавая этим нервным жестом свою растерянность.

– Я думаю, что, беря ответственность за своего ребёнка, ты уже поступаешь правильно. Вон, посмотри на меня? Выросла без отца, теперь ты и мучаешься с такой подругой. Хотя сам виноват. Выбрал – тяни лямку.

– Нет, Кать, ты – другое. Просто ещё не нашёлся мужик, кто твои шипы преодолеет.

В кармане пискнул телефон, а на экране высветилось со-

общение с незнакомого номера:

«Время пошло».

– Зараза!

– Кто? Я?

– Ты, Батюняша, ты...

В баре, куда мы пришли с друзьями, чтобы отпраздновать эпохальное событие, было яблоку негде упасть. А так хотелось выпить как следует, чтобы стереть не только легкую горечь потери холостого друга, но и назойливые мысли, что крутились в голове.

Руку жгло от желания ответить на то смс. Но я держалась. Решила, что не вступлю на тропу войны, значит так и будет. Это не моя война.

В голове, конечно, картинка складывалась красивая: блондинчик ползёт за мной на коленях, умоляя о любви. Но в реальности все будет иначе, скорее, это я буду бегать за ним, выпрашивая внимания.

Таких мужчин не получится заманить, они помешаны на себе, своей работе и цели, что известна только им.

Он никогда не выберет спутницу. Будет лавировать до последнего, пока терпение не лопнет, а потом скинет балласт, утешив её новенькой «бибикой».

Любовь для него, скорее, ответственность, чем порыв души. Поэтому на эту скользкую дорожку из жёлтого кирпича вступают либо отчаянные, либо жадные. Я ни тем, ни другим

качеством не обладала. К своему счастью.

– Кать, я столик нашёл, идём! – Сева потащил меня за руку вглубь толпы, распахивая танцующих.

– Батюк, я щас сделаю ещё не родившегося ребёнка сиротой!

– Типун тебе на язык, – шикнул друг. – Ребята, за мной!!!

Столик Сева урвал и правда отличный, ну, как урвал, одна из его бывших пассий здесь работала администратором, поэтому он просто отработал этот столик, причем пару лет назад. Сева никогда не расставался с девушками плохо, поэтому, если тебе нужно найти связи в абсолютно любой структуре – это к нему.

Друзей у Севки тоже всегда было в избытке. Даже сейчас за столом сидели парочки абсолютно разного возрастного диапазона и рода деятельности. Я даже половины не знала, лишь вежливо отвечала улыбками, прекрасно понимая, что больше не встретимся.

– Пошли танцевать? – потянула меня девушка, которую мне забыли представить, а может, и представляли, но сегодня я почему-то витала в облаках.

– Нет, лучше пойду выпить себе принесу, – я выскользнула из её цепких лапок и рванула в толпу. Протискивалась между веселящихся девчонок, тихо завидуя их настроению, в сторону бара.

– Привет! – крикнула я бармену. – Водку со спрайтом!

– Вам принесут! – крикнул бармен, откровенно пялясь в

вырез моего шелкового платья-сорочки.

– Нет, обожаю смотреть, как мешают коктейли, – рявкнула я и перегнулась через стойку. – Руки только на виду держи. А то знаю я вас!

– Обижаешь!

– Обижу, если подсыплешь мне хрени какой-то!

– Держи, подозрительная, – бармен на весу плеснул в бокал водки, открыл новую банку спрайта и наполнял бокал, пока я не кивнула, затем бросил пару долек лайма, лед и толкнул стакан по гладкой столешнице стойки мне прямо в руку. – Угощаю!

– Нет, сама могу угостить, – достала из лифчика деньги и бросила бармены. – Дай ещё бутылку текилы.

– Бутылку точно принесут за стол, тут опломбированных нет, – рассмеялся парень и подмигнул мне.

В ответ я бросила ему воздушный поцелуй, взяла свой телефон и хотела было пойти обратно, как что-то большое и твёрдое рухнуло на меня, прижав к стойке всем немалым весом.

– Черт! – вскрикнула я, пытаясь поймать заваливавшегося мужика, которого толпой выкинуло прямо на меня.

– Б**дь! – зарычал он, хватаясь за соседние стулья. Звук бьющегося бокала и какой-то отстранённый хруст резанул слух. Любимый коктейль лежал мокрой кляксой в окружении осколков и разбитого телефона прямо у моих ног.

– Прости, – парень обернулся, и я онемела.

– Ты? – зарычала я, упираясь носом прямо в подбородок.

– О! Катерина, – Царёв поднялся и осмотрел результат нашего «дтп». – Упс. Теперь ты не сможешь ответить на мое смс?

– А я отвечаю только на вопросы. А ты поставил меня перед фактом.

– Повторите даме, – Царёв достал из кармана джинсов пару купюр и махнул бармену. – А ты не любишь, когда ставят перед фактом?

– А я вообще не люблю, когда меня ставят.

– Мы точно об смс говорим? – Царёв положил руки на барную стойку, заключив меня в ловушку.

– Отойди, – зашептала я, стараясь не смотреть в его шальные глаза.

– Я пострадал. Мне плохо. Мне нужна помощь!

– Я бы вызвала скорую, но мой телефон разбит, – с горечью вздохнула я, рассматривая серебристый гаджет на грязном полу.

– А как же курсы первой помощи?

– С удовольствием, только сначала мне придётся нанести тебе тяжкие телесные, а потом отчаянно пытаться спасти, – прошептала я, ощущая аромат цитруса и табака. – Правда, уверяю, что не спасу... И суд меня оправдает.

– Ты забавная...

– Кать! Все хорошо? – Сева расталкивал толпу, несясь ко мне, как сумасшедший.

– Все хорошо, Сева, – вынырнула из-под руки Царева и бросилась навстречу другу, чтобы не дать им схлестнуться, зная взрывной характер Батюка.

Перехватила его за руку и потянула в сторону столика.

– Кто это был?

– Знакомый.

– А чего не познакомила со своим знакомым, – передразнил меня Севка, разглядывая поверх толпы людей у бара. Я тоже повернулась, но Царева там уже не было. Зато официант принёс бутылку водки и несколько банок спрайта.

– Черт! Телефон оставила, – я бросилась опять в толпу, но у барной стойки валялись только осколки...

Глава 10.

– Катя! Ну сколько можно будить тебя, – Мама аккуратно потрепала меня за ухо, как делала это в детстве, поднимая в школу. – Я на работу, бабушка с соседкой уехали в парк гулять.

– Искать себе приключения? – потянулась я, вырываясь из ласковых объятий сна.

– А что ей ещё остаётся? Завтрак приготовишь сама?

– Ладно, – мама чмокнула меня в макушку и выбежала.

Только я закрыла глаза, чтобы вновь провалиться в сон, как голос мамы вновь послышался с первого этажа.

– Тут курьер, Кать. Мне некогда, я побежала!

– А-а-а! – зарычала я и, закутавшись в одеяло, поплелась вниз.

– Доброе утро, курьерская доставка, – молодой человек держал в руках большую чёрную коробку, перетянутую красной атласной лентой.

– Доброе. От кого?

– В заказе не указано, – молодой человек вручил мне довольно тяжелую коробку и шустро исчез.

Поставила сюрприз на стол и отправилась варить кофе, а то голова после вчерашнего гудела страшно.

Ждала, пока кофеварка забурлит, а сама взгляда не своди-

ла с загадочного подарка. Трезвый мозг не требовался, чтобы понять, от кого это. Внутри все переворачивалось от любопытства, но я ещё с детства знала, что предвкушение всегда ярче, чем открывание. Налила кофе в любимую чашку и вышла на веранду, сев шезлонг, откуда хорошо просматривался стол. Закурила, но тут утреннюю тишину взорвала незнакомая трель. И естественно, из коробки.

– Какого черта! – рванула в столовую и потянула за ленту, коробка тут же раскрылась, как ромашка. В центре стояла корзина фруктов, а сверху, моргая яркой вспышкой, лежал новенький белый телефон. Взяла в руки, перевернула и почему-то не удивилась, увидев, что на экране светилось «Блондинчик».

– Алло!

– Катенька, доброе утро!

– Сашенька, какого черта?

– О, мадам не в духе? Похмелье? Мешать водку с газировкой – плохая идея.

– Зачем?

– Это извинения. Я разбил твой телефон, поэтому прислал новый.

– Это ненормально!

– Это нормально, Катя. Я привык отдавать долги.

– Ты мне ничего не должен, сама виновата. Кстати, я тебе тоже ничего не должна.

– Не должна, будь спокойна.

– Но телефон я тебе верну. А ты мне мой старый.

– Кать, он восстановлению не подлежит.

– Там симка, все мои фотки, контакты, – застонала я, оседая в кресло.

– Кать, я позволил себе немного вольности, поэтому в новом телефоне уже твоя симкарта, собственно, данные тоже перенесены. Успокойся, я не имею привычки копаться в чужих сообщениях.

– Смс чужих мы не читаем, а в жизнь чужую с ноги дверь открываем, да?

– Я открываю только ту дверь, что приоткрыта.

– Саш, спасибо за заботу, но я чужого не беру, поэтому скинь адрес и я верну тебе твоё извинение.

– Катя, не говори ерунды. Я разбил твой телефон.

– Хорошо. Я попользуюсь, а как только куплю новый, верну.

– Ты упёртая.

– Я тут недавно прочитала, что мы в людях видим только отражение собственных качеств, которые не можем принять.

– Хм, очень интересно. Тогда может, ты найдёшь во мне понимание, доверие и желание помочь?

– Нет, Царёв, – рассмеялась я. – Я на твою удочку не клюну.

– Как насчёт завтрака?

– Если только его приготовишь ты, – закусила я губу, представляя выражение его лица.

– Договорились. Выходи.

Я обернулась к окну, что выходило на улицу, в ожидании увидеть его машину, но там никого не было.

– Я серьезно, – только сейчас я поняла, почему он так дышит. Бежит?

– У тебя пять минут.

Я почему-то пошла на второй этаж. Ну, как пошла? Перепрыгивала через три ступеньки, срывая с себя пижаму с медвежатами, влетела в душ.

Что я делаю? Зачем? Незачем, но так хочется. Как конфетку, что подвешена под самой макушкой елки новогодней.

Подсушила волосы, стянула их в пучок, натянула майку и джинсовые шорты и спустилась. Телефон, оставленный на столе, снова моргнул

«Выходи».

Взяла только телефон и выскочила из дома. Моя улица была первой, через прохудившийся деревянный забор хорошо просматривалась дорога, проходящая мимо нашего посёлка, но она была пуста. Встала на цыпочки, высунув морду наружу и тут же пожалела. Царёв, одетый в спортивную форму, как раз выбежал из-за поворота. Видела, как на его лице расплывается довольная и откровенно коварная улыбка.

– Давай, присоединяйся, – махнул он в сторону открытых ворот.

– Бегать?

– Давай-давай! Пропотеешь, станет легче.

– Что? Александр Алексеевич, ты на завтрак пригласил, а не на пробежку, – захныкала я, ощущая барабанную дробь в голове от каждого шага.

– Ускоряемся! – и он ускорился, да так, что я даже немного залюбовалась. На нем были чёрные шорты, открывающие красивые мужские ноги, к которым я, признаться, имела слабость. – Или ты предпочитаешь и дальше пялиться мне вслед?

– Зато ты смело маме можешь сказать, что зацепил меня ногами. Больше все равно нечем, – буркнула и почему-то побежала следом.

– Ты так думаешь? – он развернулся ко мне лицом, продолжая бежать. – А вдруг ты обманываешься?

– Обманы-ываюсь? – ускорила, чтобы сократить расстояние и не перекрикиваться. Хотя мы и вышли за пределы посёлка, но недооценивать уши агентуры моей бабушки, было бы глупо. А попасть на допрос к этой гестаповке совершенно не хотелось.

– Да, это когда ты специально видишь, вернее, хочешь видеть в человеке только самые плохие качества.

– Я не буду отвечать, – рванула и опередила его, лишь махнув напоследок. Тропинка, по которой мы бежали, вела вдоль леса, прямо в сторону «Вишневого». Да, вот так забавно называли тот коттеджный посёлок, что оттяпал у нас лес, в котором мы всю жизнь собирали ягоды и грибы.

– Нам сюда, – Саша махнул рукой охраннику, и калитка

автоматически распахнулась.

– Ты здесь живешь? – я от удивления рот открыла.

– Иногда.

Мы бежали по абсолютно ровной дорожке со специальным резиновым покрытием между деревьями, постриженными ровными шарами. Домики за коваными заборчиками стояли поодаль от дороги, не бросаясь в глаза. А так хотелось рассмотреть их повнимательнее. Было тихо настолько, что пение птиц из леса немного решало слух. Я будто бежала по карте деланий, где собраны вырезки из журналов с идеальными картинками.

– Нам сюда, – Александр вбежал в калитку и, пропустив меня вперёд, закрыл дверь.

– Красиво.

– Наверное, – пожал плечами он. В этом его жесте было что-то магическое. Он делал это так органично, а влажная от пота футболка не могла скрыть мягкое перекачивание мышц спины. – Что предпочитаешь на завтрак?

– Я предпочитаю кофе.

– А помимо? – Саша открыл дверь в дом и из моей груди вырвался вздох.

– Очень красиво, – снова застонала я, крутя головой во все стороны.

– Проходи.

– А ты не боишься приглашать незнакомок?

– Боюсь, но не настолько, чтобы не приглашать, – рассме-

ялся он.

Интерьер был очень похож на тот, что я видела в квартире: холод мрамора заигрывал с уютным теплом дерева, много растений и в меру современного холода. Панорамные окна первого этажа стирали ощущение стен, я будто находилась в ботаническом саду. Скорее всего, это было целью всего дизайна – ощущать себя вырванным из города, и основным инструментом стал ландшафт. Вся дальняя линия участка была плотно засажена высокими деревьями, следом шли плодовые поменьше, а вокруг дома радовали глаз буйной зеленью кустарники, разлапистые хосты, высокие разросшиеся папоротниковые. Я словно в джунгли попала. Закрыла глаза абсолютно инстинктивно, приготовившими к вдоху прелости влажный почвы и свежести воздуха после дождя.

– Почему у вас так громко поют птицы? Я их слышу даже в доме.

– Кать, – Саша вздернул бровь и изогнул губы в полуулыбке. – Это музыкальное сопровождение. Такое же, как в торговых центрах, клубах, фитнес-залах.

Хлопала глазами, переводя взгляд то на улыбающегося Царева, то на пампасы за окном.

– Зелень настоящая, успокойся. Так что?

– А ты что любишь?

– Я обычно сгребаю то, что есть в холодильнике, заворачиваю в лаваш и жарю на гриле.

– Ты серьезно?

– Да, а что?

– Ты производишь впечатление заядлого пп-шника. Авокадо, салат и яйцо – вот, что подходит тебе. А подножная шаурма, скорее, мой конёк.

– Так, дай мне пять минут на душ? Можешь пока сварить кофе, – Саша скинул футболку и бегом поднялся на второй этаж.

Я запустила уже знакомую мне кофемашину и открыла холодильник. Запечённая куриная грудка, овощи, сметана. Отлично!

Руки машинально стали хозяйничать, кромсая все, что может сгодиться. Включила телевизор, чтобы было не так скучно, но тут же застыла. В окне, что выходило на подъездную дорожку гаража, заметила, как открылись ворота и белый внедорожник остановился у главного входа. В этот момент я почему-то ощутила себя преступницей, которую поймали с поличным. Дверь хлопнула и знакомые голоса нарушили тишину этого дома.

Глава 11.

– ...глупости какие! Видишь, дверь открыта, – мама Царева застыла в пороге, столкнувшись с моим удивлённым взглядом. – Катюша... Боже! Прости меня!

– Что? – рыжая Любовь вбежала на кухню следом и открыла от изумления рот. Картина была, мягко сказать, предельно ясной. Тут и напрягаться не нужно было, чтобы сделать соответствующие выводы. Я, нож, продукты и кухня сына. Прелестно... Это так ты стараешься держаться от него подальше? Великолепно, Катерина. Давай, разгребай.

– Катюша, прости нас за столь бесцеремонный визит. Признаться, я настолько привыкла, что сын мой холост, что даже не подумала, – казалось, что Юлия Викторовна и правда расстроилась. Даже жалко её стало, чего нельзя было сказать о ее изумленной рыжей подруге.

– Кать, – со второго этажа слышался крик Царева и через мгновение он появился на лестнице, на ходу натягивая футболку.

– Сынок, – виновато пискнула мама. – Доброе утро.

– Мама, – Царёв поджал губы и бросил взгляд на наручные часы. – Кажется, мы договаривались встретиться в офисе, и не утром, а после обеда.

– Прости, сынок. Просто мы проезжали мимо, и Любушке пришла идея нагреть кофе.

– Ох, Любовь-Любовь... Какие же интересные идеи посещают вашу голову, – Царёв повесил полотенце на перила, прошёлся пятерней по ещё влажный волосам и вошёл на кухню, даже не утруждаясь скрыть своё раздражение. – Завтрак? Дамы, к сожалению, удивить вас нечем, потому что в нашем меню на завтрак – шаурма.

– Я готова съесть все, что приготовит сын, – Юлия Викторовна сняла ярко-красный пиджак, украшения и пошла к раковине, чтобы вымыть руки. – Итак, молодежь, чем помочь?

– А у меня почти все готово, – я откусила огурец, что так и сжимала в руке. – Чай? Кофе?

– Ты лишила девственности мою кухню, – шепнул мне Саша, включая электрогриль.

– Сказки свои прибереги для мамы...

– Ты посмотри на моих голубков, – всхлипнула его мама, откровенно любуясь нами. Глаза её почему-то были на мокром месте, а губы дрожали.

– Мам, может, расскажешь, зачем приехала? – Царёв бросил в мать прищуренным взглядом.

– Да мы, честное слово, проезжали мимо! Давайте я сама кофе сварю.

– Мам?

– Саша? – передразнила его тон Юлия Викторовна, вернув сыну взгляд любопытства.

– Странно, а ведь эта берлога вовсе не выглядит, как место, обжитое женщиной, – Любовь отошла от своего шока,

сбросила сумку на диван и подсела к столу, скривив губы от вида лаваша.

– Крепче скручивай, – я убрала руки Царева от шаурмы, что он пытался завернуть уже третий раз, и стала показывать, как делать это правильно. На колкость рыжей ехидны отвечать ни я, ни Саша не собирались. И ей это явно не нравилось. Но всем было все равно. Саша, поняв принцип действия, стал двигаться быстрее, искоса наблюдая за мной. Ты серьезно? Наперегонки?

– Мы с Любой идём завтра в театр, Катюша. Может, присоединишься? – Юлия Викторовна внимательно наблюдала за нашим поединком.

– Что в программе? – отобрала у Царева лишнюю горсть курицы, что он собирался присвоить себе.

– Классика. «Мастер и Маргарита», это последний спектакль в этом сезоне, – не сдержала смеха она. – Как дети, честное слово.

– Я первая! – подняла руки и машинально высунула язык.

– Конечно, милая, – Царёв сдерживал улыбку, наблюдая за моим победным танцем.

– С тебя клубничное мороженое с шоколадной крошкой, – подмигнула и забросила наше творение в гриль. – Юлия Викторовна, в этом сезоне я трижды была на «Мастере и Маргарите» вместе с бабушкой. Умоляю, не заставляйте меня врать вам и говорить, что тысячу лет не была в театре.

– Катерина, – Юлия Викторовна поставила локти на ку-

хонный остров, чуть наклонилась вперёд, чуть прищурилась и пропустила улыбку. — А ты мне нравишься.

— Ещё благослови, — Любовь довольно нагло пихнула локтем подругу, закатив глаза от возмущения.

— Она забавная, правда? — Царёв расхохотался в голос так, что винные бокалы, висящие над стойкой, задребезжали, прося пощады.

Я проигнорировала смешок Александра и вновь полезла в холодильник, прекрасно понимая, что для этих милых дам шаурма скорее оплеуха, чем вкусный завтрак. Достала овощи, чтобы сделать салат.

— Всему своё время. Ты не с той ноги что ли встала, Люб. Чего ворчишь?

— Катя, а где вы учите? — рыжая проигнорировала намёк от подруги, принявшись вновь за расспросы.

— Катя уже закончила, тетя Люба, — слова Царева прозвучали как предупреждение, но любопытная Рыжуха не восприняла их всерьёз. — Институт Искусств.

— Тогда все понятно. Танцовщица, — хихикнула Любовь. — Она обольстила тебя приватным танцем, да? А ты, наивный дурачок, и влюбился. История стара как мир...

— Любовь Аркадьевна, — рявкнул Царёв так, что кровь в венах застыла. — Вы находитесь у меня дома и ведёте себя, мягко выражаясь, по-хамски. Я закрою глаза на ваше внезапное желание выпить кофе в гостях у сына подруги, но говорить в таком тоне с моей невестой не позволю.

– Саша, ты её знаешь-то всего ничего, а я тебе добра...

– Считайте, что я вам тоже желаю добра, – звонкость в голосе его исчезла, он успокоился, но стало только страшнее.

– Я услышала тебя, – шикнула Любовь, собрала вещи и помчалась на выход. – Кофе попью у Трифоновых. Юля, за-
бери меня, когда и тебя из дома выгонит эта танцовщица!

– Трифоновы же в отпуске, – Царёв посмотрел на мать.

– На крыльце, значит, посидит, – рассмеялась женщина. – Ну, вы кормить меня будете или мне тоже на крылечко топ-
пать?

– Юлия Викторовна, приятного аппетита, – я выложила горку салата на её тарелку, сбрызнула соком лимона и подмигнула, получив вздох благодарности за персональное блюдо.

Саша сел рядом с мамой, а я запрыгнула на подоконник, проигнорировав его возмущённый взгляд. Разговор шёл легко, непринужденно. Юлия Викторовна под кожу не лезла, лишь внимательно рассматривала меня, даже не таясь. И в этом был скорее плюс, чем минус. Она словно откровенно знакомилась со мной, не так, как её змея-подруга, что лязгала своим ядовитым языком направо и налево. Переводила взгляд то на меня, то на Александра, что сегодня был особенно общителен, улыбалась, когда он сбрасывал входящий вызов своего телефона и поджимала губы, глядя на мою правую руку, где не было кольца.

Глупо было рассчитывать на её понимание. Конечно, она

не могла быть в восторге от внезапной невесты сына, но и испортить с ним отношения не могла позволить себе. В ней был баланс, что ли. Подозрение, принятие, смирение и желание понять, но любви к своему ребёнку больше всего.

Как только Юлия Викторовна села в машину, волшебство рассеялось. Царёв тут же схватил телефон, чтобы наверстать упущенное. Я долго сомневалась, оставить ли его «извинение» на столешнице и уйти, или принять. В итоге убрала телефон в карман и пошла к дверям.

– Ты куда? – рявкнул он, закрыв динамик пальцем.

– Домой. Спектакль окончен.

– Я перезвоню, – Царёв отбросил телефон, закрыл ноутбук и догнал меня. – Что за выкидоны?

– Ты о чем?

– Куда ты пошла? Мы ещё не поговорили.

– Говори, Царёв.

– Ты подумала? – он сложил крепкие руки на груди, демонстрируя решительность.

– Подумала, – прикусила щёку, чтобы не рассмеяться.

– И?

– Всё то же, Александр. Я не буду в этом участвовать, – открыла дверь и почти вышла, когда он схватил меня за локоть и довольно резко дернул на себя.

– Ты уже участвуешь, дорогая, – прошептал, наклонившись ко мне так близко, что я буквально утонула в голубизне его глаз.

– Считай, что это была сдача с разницы в цене за новый телефон.

– Согласись по-хорошему?

– А то что? – резко выдернула руку, отходя от него на пару шагов.

– Ты все равно станешь моей...

– Женой? – рассмеялась я. – Царёв, жена на год, ты серьезно?

– Абсолютно, – он перешёл на шёпот, а у меня задрожали ноги. От его пронизывающего, как февральский ветер, взгляда, я разучилась дышать, мыслить. Лишь чувства обострились, я словно кожей ощущала его напряжение, слышала, как закипает кровь, понимала, что сейчас он кое-как сдерживается. Но ничего, Царёв. И не таких ломали...

– Не звони мне, Царёв!

Глава 12.

Дождь лил как из ведра, я лежала в гамаке на веранде, наблюдая водопад с крыши. Монотонный звук дождя успокаивал, могла бы спать, но сил уже не было. Почти неделю просиживаю штаны дома. Перемыла все, до чего дотягивалась, даже потолки и фасад дома. Покрыла лаком веранду, побелила стволы деревьев, пересадила цветы, и все. Дела кончились.

Жара спала, солнце спряталось за плотной пеленой облачности, поэтому отпал и отдых на реке. Слонялась из угла в угол, стараясь не коситься на телефон. Нет, он не звонил, и даже не писал! Чем бесил неимоверно. Сама не понимала, чего хочу. То ли чтобы он исчез из моей жизни, то ли чтобы позвонил. Бред! Ростова, ты сходишь с ума.

Мне иногда кажется, что он занозой сидит в моей голове. Как навязчивая мысль зудит, будоража мой мозг, чтобы вновь рассыпать воспоминания. Его взгляд, такой живой, говорящий. Касания рук, легкие, но требовательные. Закрывала глаза и укуталась в плед, пытаюсь унять мурашки, пробежавшие по телу то ли от прохлады дождя, то ли от него...

– Кать, ты дома? – хлопнула входная дверь и тишина дома лопнула. – Ты где?

– На веранде, мам.

– А чего в темноте? И одна?

– Буля у соседки в карты режется, девки работают, Сева в загс уехали.

– Сева – и женится, – вздохнула мама и села в кресло напротив. – Чудеса.

– Ой, мам. Сама до сих пор в шоке.

– Ты поэтому чернее тучи?

– Я? С чего ты взяла?

– Я что дочь свою не знаю?

– Нет, мам. Все хорошо.

– А что это за мужчина у тебя появился?

– У меня?

– Кать, ты оглохла что ли? Что все переспрашиваешь?

– А как не переспрашивать, если мать со странными вопросами пристаёт, – я закрыла глаза, укутавшись снова в плед. – Ты чего так поздно?

– Квартиры смотрела с риелтором, – повелась на смену темы мама.

– И что? – я еле сдерживала смех.

– На двушку сможем наскрести, – мама уронила голову на руки. – А тетя Галя? С ней что будет? Она же совсем одна. В этом доме её жизнь!

– Мам, ну не все ещё потеряно. У нас ещё есть целых три недели. Может, адвокат толковый попался?

– Какие три недели? Кать? Суд перенесли на неделю, у нас ровно десять дней. Пора паковать вещи, дочь. Нам не

поможет даже чудо...

... Чудо. Где оно – чудо это? В сказках только и тусуется, бросив бедных земных людишек свои проблемы разгрести в одиночку. Мама с бабушкой закрылись на совет в кабинете дедушки, тихо звякали вишневой настойкой в хрустальных рюмочках, а я отправилась к себе. Шла медленно, озираясь по сторонам, будто видела этот дом впервые. Коттедж Царева был, конечно, шикарным, но мой особнячок с колоннами был полон жизни, счастья и незабываемых воспоминаний детства. Именно за это боролись все жители «Яблоневого». Не за квадратные метры и не за деньги, что выплатят, а за свою жизнь, что была прожита на этих землях.

Трель телефона в комнате выдернула меня из тревожных мыслей.

– Да, Маша, – подруга по универу просто так не звонила, поэтому брать трубку нужно было, даже если ты пьян, болен или мёртв.

– Катька, спасай! У нас сегодня корпорат, а Жилина с температурой слегла! Кать, молю-ю-ю-ю!

– Мань, ты помнишь, на чем мы расстались в прошлый раз?

– Помню, – завизжала подруга. – Ну, не могу я тебя к себе взять! Нет у меня вакансии! И бюджета на ещё одну танцовщицу нет.

– Тогда за разовые вызовы я беру двойную таксу, плюс

бензин, – в ответ крикнула я и бросила трубку.

Машка Мишина ещё на третьем курсе удачно сходила на кастинг, попала в творческий коллектив, прочесывающий все корпоративы и праздники области. С тех пор там и корпит, а пару лет назад директором группы назначили. Так она чуть что – Ростова, спасай – а в состав брать отказывается. Ведьма! Работы у нас для танцоров в городе немного, то есть совсем нет. Поэтому с горем пополам я устроилась в частный детский сад при элитной гимназии, где преподаю танцы деткам, а по вечерам мотаюсь в фитнес-центр, уже ко взрослым, решившимся разбавить серые будни страстным танго.

– Три... два...

Трель телефона приятно разлила бальзам на душу, я чуть помедлила, а потом наигранно-сонным голосом ответила.

– Чего тебе, Мишина?

– Горю я, Ростова! Если через сорок минут тебя не будет на генеральной репетиции, то никакой двойной таксы не жди!

– Лечу-у-у...

Я и правда вылетела из комнаты, чуть ли ни кубарём свалившись с лестницы.

– Убьёшься ведь, Катька! – бабушка встретила меня у кладовки, где валялись мои сценические костюмы и сумка, всегда собранная на всякий пожарный случай.

– Не дождёшься, булечка. Не видать тебе внушка Севочку, пока я жива, – хохотала, одеваясь на ходу. – Я на корпоратив

с Мишиной, буду поздно.

– Ты хоть поела? – крикнула вдогонку мама, но её слов я намеренно не слышала, чтобы не разводить диалог. Пряча под джинсовкой, добежала до машины и практически вылетела на проселочную дорогу, забрызгивая грязью стёкла. Поздним вечером город пустел, поэтому я довольно быстро добралась до точки, что скинула мне Машка и чуть не охренела. «Джипси»...

В этот клуб мало кто умудряется попасть, столики вечно на брони, а в зону массовки попасть можно, только пройдя жесткий фейс-контроль. Взяла сумку и бросилась к служебному входу, около которого нервно курили мои друзья и бывшие однокурсники.

– Двадцать шесть минут, Ростова! Ты – мой тыл! – Машка заметно выдохнула, причем с её выдохом вышли и спиртовые пары. Но ничего, ей можно. Год назад её сбила машина у подъезда собственного дома, поэтому из-за перелома шейки бедра танцевать она теперь вряд ли сможет, во всяком случае, не в театральных номерах.

– Я – брешь в твоём кармане, гони деньги вперед!

– Эх... Катька Ростова, колючка ты, а не танцовщица. И так, сегодня у нас «Восточная ночь». Костюмы привезли, но сначала прогон без них. Ростова, тебе ой как попотеть придётся за двойную таксу, я глаз с тебя не спущу.

Машка слово своё держала, как и я. Драла меня, как сидорову козу, свирепея, что я заранее не выучила танец, хотя

это было невозможно.

Облачившись в наряды восточных красавиц, мы, бряцая маленькими колокольчиками на поясах, выстроились у занавеса. Перед выступлением я никогда не волновалась, скорее, дергалась в предвкушение кайфа. Вот и сейчас, вместо паники, мною овладело любопытство, но лучше бы я сдержалась...

Отодвинула плотную ткань и вздрогнула. Прямо на первом ряду, за столиком именинника, сидел Царёв. И, возможно, я бы его не узнала в темноте и дымке, что пустили перед нашим выступлением для атмосферы, но он держал в руках телефон, подсветка которого освещала его противно-идеальное лицо. Сука! Что же он меня преследует повсюду? Во снах, на митинге, мыслях и даже на работе! Зазвучала музыка и зал стал успокаиваться, а Царёв, наоборот, обернулся, затем встал и вышел из зала.

Разочарование наравне с облегчением овладели мной. Облегчение – что смогу отдаться танцу, не думая о наглom Блондинчике, а разочарование – что не смогу подразнить его танцем живота в момент выхода труппы в зал.

Барабаны заставили выбросить всю чушь из головы, занавес открылся, и началась магия...

Выступление длилось пятнадцать минут. Менялась музыка, декорации, а в предпоследней части программы на сцену вышли метатели огня. Файермэны раздували огненные водопады, под которыми мы с девчонками томно перекатыва-

лись, заставляя себя не зажиматься от страха. Всполохи пламени, ритм барабанов и восторженные возгласы толпы заводили танцоров. Это как наркотик. Мы им питаемся, как воздухом. Свет в зале погас, музыка стихла, а тонкий перезвон колокольчиков на костюмах рассыпался по залу. Мы разбежались во все проходы и замерли, наслаждаясь пятисекундной тишиной и предвкушением. Затем софты вспыхнули, бухнула музыка и зал охнул. Мы начали танцевать, двигаясь от столика к столику, игриво обходили мужчин, даря им томные взгляды и персональные танцы-живота...

– Кх-кх-кх... – вдруг послышалось справа, я обернулась, не останавливаясь, хотя уже прекрасно знала, в чью сеть угодила.

Царёв стоял у барной стойки, прокручивая пустую стопку по стеклянной поверхности. Серый костюм, чёрная рубашка, ворот которой был расстегнут, и бушующий взгляд. В нем был весь Царёв: удивление, гнев, немой приказ... Все было в этих прозрачно-голубых глазах Блондинчика. И я была в них. Отражалась бликами, отпечатывалась в памяти и будила желание. Да! Именно желание. Чувствовала его настолько реально, что сердце заколотилось. Эта эмоция была новой. Вкусной. И такой волнующей.

Не знаю, почему, но этого мне было мало. Внутри все переворачивалось от желания показать, что я умею. Возможно, доказать, что я чего-то стою, хоть и не ворочаю миллионы. Внутри тихим пламенем зародилась потребность по-

корить этого сухаря своим танцем. Хотелось наяву увидеть его восторг. Ощутить его возбуждение и насытиться мигом покорности, что транслировал он сейчас, позволяя приблизиться к себе. Он хотел! Ждал этого! Взгляд был полностью сконцентрирован на мне, будто вокруг не было возбуждённой толпы танцами. Это было на руку нам обоим. Мы стали песчинками в пустыне, до которых никому и дела нет.

Александр стоял, положив локти на стойку, в руке сжимал телефон, отчаянно вибрирующий входящим вызовом. Сделала ещё шаг, чтобы прочитать имя. Карина...

Мозг отключился, а отчаянные крики разума, что вопил: «Ты обещала держаться от него подальше!», «Катерина, беги!», «Это не твоя война!», заглушились отчаянным биением моего сердца.

Царёв подогревал меня, откровенно, жадно и ни от кого не прячась, блуждая по мне взглядом. Начал с глаз, чуть искривился от недовольства, наткнувшись на полупрозрачную вуаль, замедлился на шее, остановился на груди, что так аппетитно выглядела в шёлковом зелёном топе, расшитом стразами и бисером, затем опустил на открытый живот.

Это мне и было нужно. Резко качнула бёдрами, медленно поднимая руки вверх, сдвигая зелёную вуаль так, чтобы ничего не мешало его обзору и пустилась в танец. Двигалась, наслаждаясь его напряжённым взглядом, прикованным к моим бёдрам. Чувствовала себя заклинателем змей, под чьи чары попал самый опасный питон.

Вдруг Царёв улыбнулся, медленно поднял взгляд, едва скользнул по моему лицу и отвернулся к барной стойке, отвечая на телефонный звонок.

– Да, Карина...

Моему гневу не было предела. Пыхтела, как паровоз, только вместо пара я готова была извергать пламя не хуже файермэнов, что до сих пор развлекали публику не сцене. В следующем номере меня не было, потому что Жилина так и не освоила танго, поэтому я отдала костюм, собрала свои вещи и помчалась по служебным коридорам. Не узнал? Он меня не узнал. Идиотка. Кто ты, Катя? Танцовщица, правильно сказала та рыжуха. Потанцевала для богатого дяденьки и хватит!

– Ростова, ты огонь! – Машка отправила мне воздушный поцелуй, окрикнув уже у выхода. – Я наберу завтра! Слышишь?

– Слышу, – буркнула и выскочила через задний вход на парковку. Бросила сумку в багажник и повернулась, чтобы сесть в машину, но тут же взвизгнула от ужаса.

Опершись на капот моей машины, стоял Царёв, он курил, медленно, словно смакуя, выпускал дым.

– Ка-те-ри-на... – по слогам произнёс он, не поворачивая головы в мою сторону.

– Отойдите, Александр Алексеевич, – слишком грубо сказала я, пытаюсь открыть дверь, но Царёв слегка сместился, не дав мне спрятаться от него в салоне.

– А не часто ли мы сталкиваемся?

– Меня волнует тот же вопрос. И есть пара догадок на этот счёт.

– Серьезно? – Царёв откинулся назад, задрав голову к ночному небу. – Поделишься?

– Конечно. Я думаю, вы маньяк, преследующий бедную девочку.

– Оригинально, – он усмехнулся.

– Отойди, Саша, – я ждала, что он повернётся, дав возможность заглянуть в глаза. – Мне пора домой, уже светает.

– Ты подумала?

– Я не буду участвовать в этом, – на выдохе сказала и замурилась, приготовившись к долгому спору.

– Как знаешь, – Царёв щелчком отправил окурок в урну и ушёл, так и не посмотрев на меня ни разу...

Глава 13.

Лежала на пустом пляже и смотрела на ровную гладь реки. Не было детей, баламутящих воду, их нервных родителей, лишь пара стариков сидели на пирсе, делая вид, что рыбачат.

Но видимое умиротворение никак не сочеталось с моим внутренним состоянием, беспокойство и тревога не покидали меня уже три недели. Именно столько прошло с того вечера в «Джипси».

Царёв не звонил и даже не писал. С одной стороны, я получила то, что хотела – покой и возможность передышки, а с другой – мне хотелось его увидеть. Этот мужчина словно отпечатался в моей душе. Не выходил из головы, как бы я ни старалась себя занять.

Машка и правда перезвонила мне на следующий день и предложила работу в труппе, правда, всего на месяц, пока не выздоровеет Жилина. Утром я уходила в интернат, где на добровольных началах занималась танцами с детишками с особенностями развития, а по вечерам танцевала. И так каждый день. Возвращалась ночью, падала в кровать и засыпала, периодически просыпаясь от снов, что изводили меня по ночам. Ощущала его касания, дыхание и поцелуи. В моих снах он целовал меня, так откровенно и очень жарко. Тело предавало, извиваясь от возбуждения, что накрывало с голо-

вой. Царёв, мать твою!

Я перевернулась на живот, чувствуя, что кожа груди уже припеклась на солнце и вздохнула. Из-за леса на реку шла огромная чёрная туча. Почему-то хотелось расплакаться, потому что идти домой совершенно не было желания, я даже телефон вырубилa, чтобы мама и бабушка не помешали мне грустить.

Водила пальцем, вырисовывая вензеля, пока крупные капли дождя не стали падать на раскалённый песок. Надела джинсовую юбку, майку, стянув через низ мокрый купальник и поплелась домой.

На нём что, свет клином сошёлся? Сама говорила сто раз, что с такими мужчинами лучше не связываться. Он взрослый, богатый. Я-то ему зачем? Малолетняя танцовщица, временно работающая в детском саду. А даже если и нужна, то он честно оговорил срок пользования, а через год он выбросит меня на обочину свободной жизни. А как жить потом? Нет, я ему не подхожу...

Ну, что я говорю? В смысле – зачем ему я? А он? Он мне зачем? Вместе с ним же тянется километр проблем, эти его родственники, друзья. Разве он сможет дать мне то, чего хочу? А хотелось любви.

Не знаю, что такое настоящая любовь, потому что опыта у меня совсем не было. Парни со мной всегда дружили, потому что в другой роли они становились мне не интересны. До тех пор, пока мы болтали на отстранённые, почти пацанские

темы, всё было нормально. А стоило им начать подкатывать, я переводила все в шутку, а потом и вовсе переставала брать трубку и отвечать на смс. Все эти нелепые приглашения в кино, в кафе или посмотреть у него вечером фильм действовали на меня всегда одинаково. Я сматывала удочки, вычеркивая из своей памяти очередное имя мальчика.

Моих бабушек и маму сначала все устраивало. Нет парней, значит, нет проблем. А года четыре назад они резко взяли курс на моё перевоспитание, пытаюсь объяснить, что любовь – это прекрасно.

Лично я в этом не была уверена. Мама никогда не рассказывала про моего отца, ловко увиливая от вопросов лет до шестнадцати, а потом я и вовсе спрашивать перестала. Смысл ломиться в дверь, что заколочена метровыми гвоздями.

Девки мои ступили на тропу влюбленностей ещё в школе, с упоением делились подробностями. Меняли парней, как перчатки, проходя через первые предательства, ссоры, обиды и страстные примирения. А мне было все равно.

Возможно, я искала то, чего нет в природе. Хотела влюбиться до искр из глаз, поэтому этот холодный Царёв все никак не выходил из моей головы. Впервые не ощутила отворачивания. Наоборот, сама думала о нем, вспоминая каждую встречу.

– Дура ты, Катька! – заорала я во всё горло, как только зашла в лес, разделяющийся пляж от «Яблоневого». Гор-

ло вспыхнуло огнём. Эмоции раскалённым углём прожигали грудь, сворачивая все чувства в клубок напряжения.

Как он меня бесил! Взгляд этот его, улыбка, походка, которой хотелось любоваться. Все бесило! Закипала от собственных чувств, что старым паззлом валялись в пыльном мешке. Возможно ли его собрать? Сомневаюсь.

– Забудь его, Катька! Пошёл он ко всем чертям!

Мысли пульей вылетели из головы, как только я услышала странный грохот, подойдя к калитке у пожарных ворот посёлка. Бросилась по узким улочкам, перемахнула через забор прямо в яблоневый в сад, услышав мамин тревожный крик.

– Катя! Катя, ты где? – завывала мама, заставляя мою кровь стыть в жилах.

– Мам, что происходит?

– Это конец, Катя! Они пригнали технику!

В этот момент раскат грома грохнул так, что пулеметная очередь слов, вырывающихся из маминого рта, растворилась в устрашающем грохоте и уже через мгновение с неба обрушился ливень.

Бросила сумку и рванула к воротам, где уже собралась толпа. Вдоль забора и правда стояла техника. Экскаваторы, тракторы и самосвалы плотным кольцом оцепили центральный въезд.

– Кать, они сносить нас приехали? – рыдала Оля, истерично мечась вдоль ворот, как сторожевая собака. – Где ты бы-

ла? Мы час тебе звоним!

– Кто старший? – завопила я, бегая от одного трактора к другому. Дождь стоял стеной, хлеща меня по щекам крупными каплями. – Кто?

– Ну, я, – окно Тойоты, что стояла чуть поодаль, опустилось. Молодой парень улыбнулся, осматривая меня какой-то странной улыбкой. – Че надо?

– Чья команда?

– Тебе-то что? – рывкнул он в ответ, намереваясь закрыть окно, но я подставила руку, не чувствуя боли. – У меня есть все документы на снос.

– Царёв? Он дал приказ? – сжала стекло пальцами так, что казалось оно рассыплется тысячами осколков от моего гнева.

– Убери руку, крошка!

– Я убью тебя, – заорала я, пытаюсь открыть дверь его машины. – Проваливай, придурок! И машины свои забери!

– Есть постановление, решение городской администрации, что тебе ещё надо? Чокнутая! – парень вовремя заблокировал дверь и таращится на меня, как на чудище болотное. Скорее всего, я им сейчас и была.

– Я убью тебя!

– Слышь, ты, свали отсюда, подобра-поздорову! – выплюнул он и закрыл окно, тут же ответив на телефонный звонок.

Замерла, осматриваясь вокруг. Водители смотрели на меня с жалостью, а вот жители с надеждой. Пустота внутри

трансформировалась в решимость, что грозовой тучей прогоняла робость и страх. Это несправедливо! Жестоко и просто неправильно. Лишь оказавшись лицом к лицу с бесчувственной техникой, осознала всю серьёзность ситуации.

– Хрен вам всем! – встала у ворот, намереваясь стоять до конца. – Никого не пущу в мой дом.

– Правильно! – подхватила мой настрой толпа соседей и выстроилась в плотную цепь. – Не пустим!

Вдруг с противоположной стороны, как раз оттуда, где располагался «Вишневый», выехала чёрная БМВ, резко затормозила, чуть съехав с дороги, как можно дальше от толпы.

Даже не дав себе возможность подумать, рванула к ней, расталкивая народ, намереваясь задушить его собственными руками. Окно «бэхи» медленно опустилось, и я напоролась на белоснежную улыбку. Царёв открыл дверь и медленно, не замечая ливня, пошёл мне навстречу.

Он улыбался! Да, ещё так нагло. Взгляд искрился, словно говорил «Я тебя предупреждал»! Конечно, предупреждал. Но и я говорила, что не хочу в этом участвовать. Но нет! Царёв, очевидно, отказов не принимает. Именно поэтому сейчас довольно блестит, как начинённый самовар.

– Ты! Это ты? – заорала я, бросившись ему на шею. – Царёв! Я тебя ненавижу!

– Катя, – он подхватил меня под задницу, чтобы самому не рухнуть от столь эмоциональной встречи. Прижал к себе

крепко, пытаюсь заглянуть в глаза, но волосы мешали, поэтому он перекинул их через плечо, обратив мимолётную улыбку. — Успокойся. Это легко остановить. Просто скажи мне «да».

— Ты привык, что все у твоих ног, да? Всегда получаешь то, что в голову взбредёт? Так вот, слушай, я тебе не кукла фарфоровая. Я живой человек! У меня есть жизнь, родные и планы. И ты не вправе вмешиваться и ставить свои условия. Если моя жизнь для тебя пустое место, то и для меня судьба твоего наследства — лишь чих! — отчаянно шептала, едва касаясь его губ своими. Вдыхала его аромат, смешавшийся со свежестью дождя, как сигаретный дым, что обжигаяще скользил по горлу, опускаясь в легкие тяжестью яда. Вот и его запах отравлял. Ненависть и решимость таяли, мысли путались, а кровь бурлила от удовольствия, что приносили его крепкие руки, сжимающие меня чересчур крепко. Нет, я не вырывалась. Руки плетями лежали на его плечах, а пальцы погрузились в волосы, впитывая жар кожи.

Это наваждение. Абсолютно точно. Нужно разорвать этот контакт, пока осталась хоть малейшая надежда на самоконтроль.

— Нет! Замолчи! — прыгнула на землю, принявшись долбиться кулаками ему в грудь. Чувствовала напряжение, твёрдость мышц, но Царёв продолжал стоять, испепеляя меня своим взглядом.

— Если ты согласишься, то это всё закончится, — он вдруг

одной рукой перехватил мои запястья, притянул к себе и, скинув с себя пиджак накинул мне на плечи. – Я одним звонком все решу.

– Ты серьезно? – отодвинулась я, заглядывая ему в глаза.

– Катя, я месяц прошу озвучить то, что тебя тревожит, – он взял меня за плечи и потрянул, будто пытаюсь привести в сознание. – Вместо того, чтобы бегать голой под дождем в истерике, нужно было всего лишь сказать.

– Ты серьезно решил меня шантажировать? Думаешь, увидев бульдозеры, я вмиг соглашусь выйти за тебя, Царёв?

– Садись в машину, – рявкнул он. Лицо изменилось, мягкость и сдержанность исчезли, уступив место жёсткости. Ноздри стали раздуваться, а губы сжались в ниточку.

– Пошёл ты!

– Ну, смотри. Я постоянно предлагаю тебе решить вопросы по-хорошему. Но ты мне назло всё переворачиваешь. Ослица упрямая! Но ты все равно подпишешь все, что я скажу, и станешь моей женой, – выдохнул он и ловко перекинул меня через плечо. Быстро подошёл к машине, открыл дверь и забросил внутрь. – Посиди и успокойся. Перегнулся через меня, включил печку на горячий воздух и, что-то повернув в торце двери, захлопнул. Я стала дергать ручку, пытаюсь вырваться, но Саша вернулся и провернул этот финт и с водительской дверью, а потом и вовсе поставил машину на сигнализацию. Я ткнула в кнопку открытия окна, оно дернулось, приоткрывшись на пару сантиметров и замерло. В эту щель

даже рука не пролезет.

– Черт! Черт!!!! – лупила я ладонями по приборной панели, ощущая жгучую боль. – Царёв, ты куда???

Саша сначала двинулся к тойоте, откуда тут же выскочил тот хамовитый паренёк. Они перекинулись парой фраз, и Царёв развернулся, но не к машине, а к воротам, где толпились жители. Я увидела маму и бабулю, что вместе с Ольгой и Наташей выскочили вперёд.

– Катя! – закричала мама, заметив меня в его машине. Я инстинктивно перестала разбивать салон его тачки, откинулась на сидении и даже улыбнулась. Тревога в её глазах плескалась заставшими слезами, а это рвало мое сердце. Пришлось успокоиться.

– Ольга, Наталья, привет. Ирина Николаевна, хотелось бы познакомиться при других обстоятельствах, но не получилось. Меня зовут Александр, и здесь произошло недоразумение, но вы можете быть спокойны, всё уже улажено.

Какого черта он с ними разговаривает без меня? Я перелезла на водительское сидение и практически высунула ухо наружу, продолжая глупо улыбаться. Боже, Ростова, что ты творишь?

– Где моя внучка? – бабушка опустила зонтик, сверкнула недобрыми взглядом.

– Любовь Григорьевна, – Царёв улыбнулся, прошёлся пальцами по волосам, убирая намокшие пряди от лица. – Очень приятно, Катерина греется в машине. Она промокла

и немного перенервничала.

– Что происходит? – Мама подставила зонт над головой Царева, бросая угрожающие взгляды то в меня, то в него. – Выпустите Катю и пройдем в дом.

– Сейчас нам нужно всем успокоиться. Давайте так, вы все идите домой, вас больше никто не потревожит, а мы с Катей приедем чуть позже. Хорошо?

– Хм... – прищурилась мама и рванула к машине.

Помимо шока в её глазах я видела испуг. Она неслась прямо по лужам, пачкая белое кружево сарафана. Царёв игриво подмигнул бабушке, направился к машине следом за мамой и щелкнул сигнализацией за миг до того, как она переполненным решимостью жестом распахнула водительскую дверь.

– Все хорошо? – мама опустилась, уткнувшись нос к носу со мной. И, очевидно, не собиралась увеличивать дистанцию, словно сканировала меня своим напряжённым взглядом.

– Да, – прошептала я, смотря на улыбающегося позади неё Царева.

– Это кто?

– Мой жених....

Глава 14.

Мама открыла от удивления рот, потом незаметно сжала ладонь в кулак, взмахнула им у меня перед носом и захлопнула за собой дверь.

– Если вы обидите мою дочь... – зашептала мама, отчаянно тыча пальцем в мужскую грудь.

– Ирина Николаевна, я не могу обидеть свою будущую жену, – слышала, как он зол. Но Саша будто взял себя в руки, наполнив голос спокойствием. Хотела видеть лица, но приходилось довольствоваться только их разговором, благодаря щели в окне.

– Я не знаю, кто вы и что затеяли, но требую объяснений, Александр. Вижу, что мужчина вы взрослый, поэтому полагаюсь на ваше мужество прийти на разговор. У Катерины нет отца, но поверьте, за свою дочь я ...

– Ирина Николаевна, – Саша поднял упавший зонтик, укрыв трясущуюся маму от дождя, затем аккуратно вложил его в руку, что ещё минуту назад угрожающе тыкала его в грудь. – Я вас понял.

– Хорошо. Мы можем расходиться? Не проснёмся от рушащихся зданий? – голос мамы дрогнул, выдав страх.

– Нет, Я же сказал, что это чистой воды недоразумение и всё объясню вам, как только мы с Катериной вернёмся. Успо-

койте соседей и отправьте домой, техники здесь не будет, как только закончится дождь. Договорились?

– Когда Катя вернётся домой?

– Она не пленница, Ирина Николаевна, как только она захочет, то тут же окажется дома.

– Не пленница? Именно поэтому она заперта в машине?

– Нет, она заперта, потому что чуть не убила ни в чём не повинных рабочих, а еще, потому что бегала почти голая под дождем, вместо того чтобы просто позвонить мне.

– Позвонить, значит, – протянула мама.

– Да, я не дам в обиду ни её, ни вас.

– Зятёк, значит, – хмыкнула бабушка, рассматривая его, как новогоднюю диковинную игрушку. – Идём, Ирин. Они взрослые, сами разберутся. Но я бы на вашем месте жопу ей надрала за такое поведение.

– Это не мой метод, Любовь Григорьевна.

– Обмельчал нынче мужик, – вздохнула старушка и подтолкнула дочь. – Но не думайте, что у меня к вам нет вопросов.

– Буду рад ответить на каждый, – рассмеялся Саша, смотря вслед уходящим женщинам.

Мама обернулась, еще раз посмотрев мне в глаза. Я снова улыбнулась и послала ей воздушный поцелуй. Девки тоже стояли с открытыми ртами, не сводя глаз с разыгрывающейся сцены. Мама слово своё сдержала, толпа стала расходиться. Бабушка, размахивая тростью, загнала в калитку растерян-

ных подруг. Только после того, как гомон голосов стих, Царёв сел в машину и замер, рассматривая панель. Проследила за его взглядом и охнула. Панель, обтянутая красной кожей, была вся в царапинах от моих ногтей. Вжалась в кресло, даже не представляя, что сейчас произойдет.

Царёв выдохнул и начал расстёгивать рубашку. Дернулась в попытке снова открыть дверь. Саша резко повернул голову, словно хотел понять, о чем же я подумала, что так испугалась. Вскинул бровь, а в глазах его читалось удивление. Отвернулся, открыл окно, сделав пару глубоких вдохов. Тишина и его молчание убивали. Хотелось, чтобы он закричал, сказал, о чем думает, но нет. Лицо его было каменным, кроме стиснутой челюсти, его раздражение ничего не выдавало.

Он сдернул с себя рубашку, с которой текла вода и бросил назад. Завел машину и, развернувшись на месте со свистом тормозов, рванул в сторону «Вишнёвого». В машине стояла тишина и только его тяжелое дыхание заставляло меня не отключиться от переполняющих эмоций. Даже сквозь пелену страха я рассматривала его сильные руки, рельефную грудь, мощную шею, во впадинке которой быстро пульсировала вена, выдававшая его эмоциональное состояние.

Газовал, нарушая тишину, пока охранник не открыл ворота, мчался даже по поселку, на ходу открывая с пульта гараж. Как только остановился, выскочил из машины и уже рванул было в дом, но чертыхнулся и вернулся за мной, открывая дверь. Взял за руку и повёл за собой. Несмотря на бурлящий

гнев, держал аккуратнo, не причиняя боли.

Я на ходу скинула кеды, шлепая мокрыми босыми ногами по деревянному полу. Из-за плотной стены деревьев в доме было практически темно, Царев, не включая свет, повел меня на второй этаж, где было всего две комнаты. Толкнул ногой дверь, дождался, когда я войду и запер, вытаскивая ключ. Сжал его в кулаке, блеснув напряженным взглядом. Открыл ванную, врубил горячую воду, ткнул пальцем в белый халат, что висел на крючке, затем в стопку полотенец и вышел, громко хлопнув дверью.

— В душ! — наконец-то я услышала его голос из-за двери. — И вода должна быть горячей!

Только сейчас почувствовала, что меня бьет дрожь от холода, стянула одежду, робко косясь на дверь и встала под обжигающий поток воды. Эмоции стали отпускать, тело слабело, а из груди вырвался плач. Закрывала ладонью рот, давя звук. Но это было сильнее. Опустилась на пол, сжавшись в комок. Ощущала себя оголенным нервом, что вибрировал от каждого касания. Воспоминания дня лавиной обрушились на меня, заставляя проживать всё это снова и снова. Разговоры про расселение шли давно, но я не испытывала такого кипучего гнева, что захлестнул меня сегодня. Нет, я не готова была просто так сдать им наш дом, но и не ожидала, что этот дом настолько для меня важен.

Опустила голову на холодный кафель, прислонившись лбом. Кусала руку, чтобы забить одну боль другой, но ниче-

го не получалось. Стресс, как никотин наполнил тело и затуманил мысли.

Вдруг вода прекратила хлестать по спине, а на плечи легло полотенце, я вздрогнула и обернулась. Царев стоял рядом, протягивая мне руку, голова его была отвернута. Хотя кого он обманывает.

Я сжалась, даже не думая вставать. Очередной вздох отчаянья резанул слух и уже через мгновение он обернул меня полотенцем и поднял на руки. Медленно повернул голову, зафиксировав свой взгляд на моих глазах и понес в спальню. Посадил на кровать, принес халат и вышел на балкон.

– Если я не возглавлю холдинг, то от твоего поселка и камня не останется, – сказал, прежде чем закрыть за собой раздвижную дверь.

Обернулась, наблюдая, как он стоит, сжимая в руках металлический поручень ограждения. Опушенная голова, напряженные мышцы спины, по которой хлестал ливень. Кто он? Принц, готовый спасти воспоминания бедной девочки, или зверь, что обманом затягивает её в капкан? Пыталась заставить себя отвернуться, пыталась найти хоть одну причину, чтобы уйти, отказаться и бросить все. Но нет. Меня крутило от желания подойти и притронуться. Что я делаю? Пока петля на шее не затянулась, еще можно убежать!

Можно... И я побежала. Пальцы коснулись металлической ручки, открыла дверь и вышла на балкон. Саша даже не дернулся, когда я положила руку ему на спину. Пробежалась

пальцами вдоль позвоночника, спустилась по плечу и сжала запястье.

– Идем, Саша...

Глава 15.

Я включила кофемашину, а потом передумала и стала открывать шкафы, решив заварить чай. Нарезала апельсин, яблоко, пару щепоток чая, сбросила все в заварочный чайник и залила кипятком. В животе урчало, поэтому чуть подумав, я открыла холодильник. Но он был пуст. Крутанулась, наслаждаясь простой красотой интерьера. Пробежалась пальцами по холодному мрамору, даря ему своё тепло. Поправила вазу с огромными пионами и наклонилась, чтобы вдохнуть аромат любимых цветов. Настоящие... Кто-то приходит ухаживать за домом?

– Позвони маме, – Царёв стоял в дверном проёме, очевидно наблюдая, как заигрываю с его жилищем. – Она волнуется.

– Я оставила телефон в сумке.

– Тогда в двух кварталах отсюда есть телефонная будка, – пожал плечами он.

– Хм... Шутишь?

– Нет, – он разблокировал телефон и протянул мне.

– Пароль? От невесты? Возмутительно! – на память набрала номер мамы, поймала руку Царёва и посмотрела на часы, потому что уже потеряла счет времени. Очевидно, грозная туча основательно застряла над городом, уцепившись

за антенны высоток, потому что на часах еще не было и шести часов вечера, а я будто год жизни прожила.

– Алло! Катя! – встревоженно и чуть громче обычного ответила мама.

– Ты чего? Что-то произошло?

– Нет. Просто я не понимаю, что происходит. Когда ты приедешь?

– Мы приедем скоро, не переживай. Я рядом.

– Мы? Приезжай одна. Сначала с тобой поговорю.

Но Царёв отрицательно покачал головой, явно дав понять, что поедет со мной и, было очевидно, что спорить с ним бессмысленно.

– Мам, мы приедем с Сашей и поговорим вчетвером, ответим на все вопросы. Можем справки ещё успеть собрать, тебе какие? Нарколога или ещё психдиспансер?

– Шутит она! – воскликнула бабушка, очевидно подслушивая. – Значит, жива. Можешь не лить слез, дочь.

Царёв с интересом слушал наш диалог, не сводя с меня своего пристального взгляда, будто пытался предостеречь от глупости, что могла брякнуть в трубку.

– Хорошо, – обреченно выдохнула мама. – Вы голодные?

– Как собаки, – я укоризненно посмотрела на пустой холодильник, а потом на Царёва. – Пока.

– Ну, что? Теперь ты готова со мной поговорить? – Саша достал чашки и стал разливать заваренный мною чай.

– Готова.

– Мы составим договор, в котором ты пропишешь свои условия, – глотнул, отставил чашку в сторону, а потом удивленно посмотрел, будто пробовал такой впервые.

– А ты свои?

– Мои условия ты знаешь. Мне нужен год. За это время я решу вопрос с «Яблоневым», пока мне удалось лишь оттянуть процесс сноса до декабря.

– Свадьба будет настоящей? – села напротив, но тут же пожалела, оказавшись под расстрелом его внимания.

– К твоему сожалению, да, – голос его изменился, переходя на деловой тон.

– Сколько раз в неделю мы должны видеться? – почти шёпотом спросила я, подбирая полы халата, в которых выглядывали мои колени.

– В неделю? – рассмеялся Царёв, закидывая голову, достал из ящика сигарету и закурил. – Катерина, ты будешь моей женой. Это не подразумевает встречи по графику.

– А что это подразумевает?

– Ты будешь со мной каждый день, – наклонился он ко мне, окутав густым туманом пьяного цитруса. – Ни о каких встречах по графику и речи быть не может.

– Как ты себе это представляешь? Как только мы подпишем договор, я должна буду собрать свои вещи и переехать к тебе в дом? Лечь в твою постель?

– Катенька, поверь, спать с наложницей – сомнительная фантазия. Во всяком случае, для меня. И по этому поводу

ты можешь быть спокойна.

– То есть ты меня не хочешь? – этот вопрос вырвался у меня, я даже челюстью щёлкнула, будто пыталась еще его остановить, но было поздно. Царёв поперхнулся чаем, прозрачно-голубые глаза округлились, а губы растянулись в загадочной улыбке.

– Катя, секса между нами не будет, – отмахнулся он то ли от меня, то ли от мыслей, что посетили его голову.

– Тогда и касаться меня нельзя, – пожала я плечами, повторив его коронный жест.

– С тобой сложно вести переговоры.

– Почему?

– Потому что мне приходится думать за двоих. Получается, что касаться мне тебя можно, только если гарантирую тебе регулярный секс?

– Да не это я хотела сказать!

– Тебя устроит нерегулярный секс? – он откровенно издевался надо мной, раскинув руки по спинкам соседних стульев. Вырез его халата разошёлся, подпуская мой блуждающий взгляд к своему телу.

– Я убью тебя! И стану молодой вдовой-миллионершей! – чувствовала, как лицо горит от пылающего румянца.

– Поэтому я и говорю, что мне приходится соображать за двоих. К сожалению, этот пункт я не смогу подписать. Касаться мне тебя придётся...

– Придется?

– Хорошо, переформулирую...

– Видишь, переговоры вести сложно не только тебе! – перебила я его, пряча свой предательский румянец за чашкой.

– Касаться я тебя буду. Потому что как минимум у твоей мамы возникнет миллион вопросов. Ты же понимаешь?

– Ладно. Тогда обсудим зоны? – я закусила нижнюю губу, собираясь с илами, чтобы поднять голову.

– Очень интересно, – улыбнулся Царёв и достал из ящика ручку. – Тогда, может сразу начертим карту? Раздевайся, Катенька.

– Руки? – выставила я обе руки перед его лицом. Царёв сжал губы, глядя на мои длинные ногти. Черт! Наверное, нужно извиниться за его машину?

– Руки, – начал загибать он свои пальцы. – Талия, спина...

– Я поняла. Зануда, – отвернулась, чтобы не показывать свою улыбку. – Ты уверен?

– В чём? – Царёв нервничал, постоянно сбрасывая телефонные звонки.

– Ты можешь найти кого угодно на эту роль. Саша, я думаю, что ты понимаешь, что есть девушки, которые за деньги сыграют для тебя что угодно.

– Да, но я хочу тебя. – отбросил телефон, сложил на столе руки в замок и перевел взгляд на меня. – Тебя, Катерина.

– Тогда я не буду извиняться за машину. Раз уж хочешь меня, пожинай плоды, – рассмеялась и вышла из-за стола, чтобы помыть посуду. – Нужно ехать.

– В чем же ты поедешь?

– В халате, – хихикнула, затянув пояс. – Пожалуй подумаю над тем, чтобы замусорить своими вещами твой дом. А после развода отсужу его у тебя.

– Тебе не нужно ничего отсуживать, достаточно лишь прописать свои желания в договоре, – Царев пошёл к лестнице на второй этаж. – Я же тебе всё сказал.

– Ты серьёзно? – поплелась за ним, заодно рассматривая дом при свете.

– Почему ты ищешь в моих словах подтекст? – Саша открыл гардеробную, я машинально зашла следом, напоровшись на его удивленный взгляд.

– Может, мне тоже прописать условия пользования своим телом? – он вздернул бровь, намекая, что я здесь лишняя. – Как тебе: «смотреть двумя глазами запрещено!»

– Прости, – взвизгнула я и вернулась в спальню. – Ты специально подогнал технику?

– Нет. Но я ничего не сделал, чтобы остановить, – ответ его был честный, но тем более возмутительный. Щеки вспыхнули, а руки сжались в кулаки.

– Я убью тебя! – снова открыла дверь, уткнувшись носом ему в грудь.

– Если бы ты не выключала телефон, то этого бы не случилось, – сделал шаг назад и нагнулся, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Говорил, чеканя каждое слово, прожигая ледяным взглядом. – Поэтому первым пунктом в на-

шем договоре будет твоя доступность.

– Хм...

– Я имею в виду телефон, – он крутанул указательным пальцем, требуя, чтобы я отвернулась. Стеснительный какой!

– Сплошные условия, – отвернулась, дав ему возможность одеться. – Ты же понимаешь, что капец как должен понравиться моей маме, чтобы она разрешила мне с тобой гулять.

– В смысле гулять?

– Ты реально думаешь, что достаточно будет просто заявить о своих намерениях и все сердца женщин моей семьи вмиг распахнутся? Ты о доверии хоть что-нибудь слышал? Кстати, сегодня мой рейтинг доверия стремительно спикировал, благодаря тебе. Вот зачем ты пошёл к ним? Ещё по именам начал называть, лишив возможность сослаться на твой психический недуг.

– Замуж за психа?

Саша аккуратно обошел меня и вышел из гардеробной. На нем были обычные голубые драные джинсы и белая футболка. Что, решил не травмировать моих женщин своим строгим костюмом?

– Это твоя вторая фантазия сразу после моей постели, – улыбнулся он в отражении зеркала, пока расчесывал волосы.

– Хам!

– Идём, давай. Нам пора.

– Я серьезно. Что делать будем? – назло ему пошла вглубь

спальни, явно намереваясь довести разговор до конца.

– Кать, я уже говорил, что нормальная, в твоём понимании, жизнь мне чужда. Я не хожу в кино, у меня практически нет друзей. Я до ночи сижу на работе, пытаюсь доказать, что занимаю своё место. Поэтому давай проще? Потрудишься подобрать слова, чтобы я понял, чего конкретно ты хочешь от меня?

– Ох, Царёв, – я упала звездой на огромную и необычно высокую кровать, уставившись в потолок. – Тебе придётся доказать моим женщинам, что любишь меня.

– Кать, первым пунктом будет запрет на любовь.

– Э! Первый пункт занят моей доступностью, забыл? – поднялась я на локтях, чтобы посмотреть на своего жениха.

– Доступность будет вторым, значит.

– Значит, договор на НЕлюбовь? – задумчиво произнесла я, не сумев отвести от него взгляд.

– Именно, Катерина. Никакой любви, влюбленности и секса.

– Значит, ничего не получится.

– Почему?

– Потому что до свадьбы ещё есть период романтики, Саш. А у пар, насколько мне известно, решивших пожениться, этот период проходит особенно бурно.

– Катерина! Конкретика! – терпение его таяло, как песочные часы.

– Вино, кино и домино, – пожала я плечами. Кажется, это

теперь мой любимый жест.

– Ты хочешь, чтобы мы с тобой везде брали твоих маму и бабушку?

– Нет! Но они не поймут, если ты будешь забирать меня раз в неделю...

– Это мы уже выяснили. Ты будешь со мной постоянно, – Саша подошел, взял меня за руку и потащил на первый этаж, очевидно, отчаявшись, что я самостоятельно встану с его постели.

– Это мне тоже не подходит.

– В смысле? – он обернулся.

– Я не могу забыть про свою личную жизнь. Подруги, друзья, работа, в конце-то концов!

– Ладно, с этим мы разберёмся. Ты серьезно поедешь в халате?

– Ага. К тому же он отлично подойдет к моим кедам...

Глава 16.

– Мам, мы дома! – крикнула я, стараясь вести себя максимально естественно, хотя желудок от волнения был скручен, как канат.

– Добрый вечер, – мама выскочила из кухни с противнем и тут же заскакала и заохала от его температуры. – Катя! Почему ты в халате?

– Ирина Николаевна, – Саша бросился к ней, забрал дымящийся пирог и аккуратно поставил на плиту. – Вы как Катя.

– Это Катя, как мать, – из зала выплыла бабушка в парадном платье. На плечи была наброшен кружевной платок, а волосы уложены в аккуратную гульку.

– Точно, – улыбнулся он.

– Идём, Александр, я покажу вам дом, – бабушка абсолютно театрально обвела рукой коридор, увлекая Царёва за собой.

Как только они ушли, мама сцапала меня за запястье и дёрнула к себе.

– Катя! Немедленно говори, что происходит? И почему ты в таком виде?

– Мам, отпусти. Ты чего хватаешься, будто я убегу.

– А я откуда могу знать? Сегодня выяснилось, что я ни-

чего не знаю о личной жизни единственной дочери!

– Не драматизируй, прошу!

– Мне Наташка все рассказала. Значит с декабря?

– Да, – закатила я глаза, мысленно благодаря больную фантазию подруги, что, естественно, поделилась с мамой. А раз я уже была в теме, то и врать будет проще.

– И почему не сказала? – взвизгнула мама, но тут же зажала ладонями рот. – Почему?

– Мам, ну что, мне в дом каждого мужика тащить, что помог мне машину из сугроба вытащить? – выпалила я заготовку, что мы придумали, пока ехали. – Ты как маленькая обижаешься, что я тебе секреттики не рассказываю.

– А вот сейчас ты не права. Я имею право знать, что моя дочь замуж выходит! – всплеснула она руками от негодования. – Хорошо, допускаю, что ты имеешь право мне не рассказывать о своих парнях, которых мы в жизни рядом с тобой кроме Севки не видели, но о замужестве! Катерина! Об этом ты забыла рассказать? Или что? Как это понимать?

– Мам, ты можешь успокоиться и прекратить шипеть?

– Я не шиплю, а шепчу! – снова зашипела она, размахивая перед лицом ладонями, чтобы остудить пылающее от гнева лицо.

– Шипишь, и это меня пугает, – не знаю почему, но мне было смешно.

Скорее всего это нервное. Не каждый день я соглашаюсь на свадьбу с человеком, которого видела всего пару раз. Лад-

но, не пару. Ладно, не сильно он меня и заставлял. Ладно, сначала с мамой разберусь...

– Хорошо, вытащил. А дальше что? Вернее, что было перед? Он приставал к тебе в клубе? Или, где вы там познакомились? – мама осушила стакан воды залпом и вернулась к допросу.

– Я поехала танцевать с Машкой, выхожу из клуба после представления, а трактор расчистил парковку так, что выбраться самостоятельно я никак не могла. Саша помог.

– И что? Сразу телефон ему дала? – мама присела на стул, уложив подбородок на ладони.

– Нет, конечно! Через пару дней мы столкнулись у переезда перед посёлком. Он наглым образом попытался вклиниться передо мной, не желая стоять в пробке. А я не пустила. А потом он открывает окно и говорит: *«Вот так и помогай красивым девушкам»*.

– Что так и сказал? – ахнула бабуля за спиной. Я обернулось, а оказалось, что мы на кухне уже давно не одни. Царёв стоял за спиной бабушки, скрестив на груди руки и еле сдерживал улыбку.

– Так и сказал, – рассмеялся Саша, подошёл и слегка приобнял, прощупывая реакцию моих дам на прикосновения. Мама с бабушкой переглянулись, но руку ему не отрубили. Очевидно, решив сначала покормить. – Нахамила и не пропустив вперёд, создала пробку.

– В этом вся Катерина. Назло маме пойду без шапки, –

топнула ногой бабушка, испепеляя меня взглядом.

– Идёмте за стол, – мама вновь хотела было взяться за противень, но Царёв опередил её.

– Какой запах, – довольно натурально застонал он.

– Это тот самый мамин фирменный пирог с курицей...

– И сыром, – закончил мою фразу Царёв.

Мы вышли на веранду, благо дождь прекратился и даже предзакатное ласковое солнышко с любопытством заглядывало сквозь прутья винограда.

– Александр, давайте сначала определимся, каким образом вы причастны к сносу нашего посёлка? – рубанула рукой в воздухе бабушка, как только мы расселись.

– Любовь Григорьевна, ещё раз говорю. Это чистой воды недоразумение и городской суд перенёс рассмотрение дела до сентября. Просто до работяг вовремя не довели эту информацию.

– Я задала вопрос, – гаркнула бабушка, не желая слушать его рассыпавшиеся оправдания. Моё поведение ей не нравится? На себя бы бабушка посмотрела.

– Меня зовут Александр Царёв, – выдохнул Саша своё имя, не отводя взгляд. Он смотрел прямо в глаза, ничуть не тушуясь, и уж тем более, не стесняясь своей фамилии.

– Ёшкин дрын, – брякнула моя интеллигентная до зубов мудрости бабушка и схватилась за сердце, которое, очевидно, у неё было справа, правда быстро опомнилась и чуть сместила руки, бросив в меня предостерегающие от смеха

взгляд.

– Бабушка, – я закатила глаза. – Так жениха мне отпугнёшь. Кто на мне жениться тогда будет?

– Снос будет? – вкрадчиво спросила мама, больно сжимая под столом мою руку.

– Нет, – Царёв не удержался и посмотрел на меня, ища во взгляде подтверждение договоренностей. Я подмигнула ему, отгоняя назойливые мысли из головы.

– Хорошо, – выдохнула бабушка и достала сигаретку из дедушкиного серебряного портсигара, вставила её в мундштук, не сводя взгляда с «жениха». – Образование?

– Архитектурная академия, – Саша как заколдованный смотрел на дымящийся пирог, и я сжалась, отрезав ему кусок.

– Возраст?

– А это точно приличный вопрос, бабушка? – выложила пирог на тарелку, с любопытством наблюдая за Царевым.

– Молчать, – мама вновь взяла меня за руку, как только я села на стул.

– Тридцать шесть.

– Когда у Кати день рождения? – подхватила допрос мама, сжав руку сильнее, чтобы не вздумала подсказывать. Глупышка. Очевидно же, что такие, как Царёв, узнают о своих жертвах даже то, о чем они сами не подозревают.

– Двадцать пятого июля, – Саша, наконец-то, отправил вилку с куском пирога в рот и закатил глаза.

– Любишь Катю? – свой вопрос бабушка просто выплюнула, чтобы не дать времени перевести дух.

– Как её можно не любить? Вы воспитали шикарную женщину, – Саша улыбнулся и обнял меня, окуная в облако своего густого аромата.

– А вы были женаты, Александр?

– Нет. А это проблема?

– Смотря с какой стороны посмотреть, – задумалась мама.

– С какой стороны ни посмотри, мам, он холост, красив и очень любит меня, – рассмеялась я, пытаюсь избавиться от цепких рук матери.

– А ты? – вдруг обернулась она.

– Что я? Мам, я не замужем. Ты чего? Забыла?

– Слава Богу, – она раздраженно сжала губы, шлёпнула меня по оголившейся в разрезе халата коленке так, что все подпрыгнули. – А то мало ли! Вдруг я все проспала.

– Мать спрашивает тебя, любишь ли ты его! – бабушка нацепила очки, чтобы получше меня видеть.

– Как его можно не любить? – ответила я в его манере объятием. – Теперь ночами не сплю, боюсь, как бы не увели.

– Кать, а свари нам кофейку? – Саша достал сигареты, осмотрел дам, давших немое согласие и откинулся в кресле, закуривая.

– Но уже поздно, – понимала, что он нашёл предлог, чтобы остаться с ними наедине. Но не уверена, что эта затея была мне по душе.

– Мне ещё работать до утра, ведь из-за твоего легкомыслия я пропустил совещание.

– Какого ещё легкомыслия? – стиснула я челюсть и наклонилась к Царёву, что курил, выдыхая дым в сторону от стола.

– А как это назвать? Твой телефон с утра выключен! – он тоже скрипнул от злости челюстью, процедив слова по слогам. Видимо, правду говорит. – Я ещё молчу про твои пробежки под дождем голяком!

– Царёв, ты сейчас... не прав!

– Ирина, твоя дочь поругаться даже со столбом может, – бабушка внимательно наблюдала наш словесный «пинг-понг».

– Она вся в тебя, мама!

– Поэтому я буду кофе, – добавил Саша и прищурился.

– Так бы и сказали, что хотите посекретничать, – я встала и максимально медленно пошла в дом, размышляя из какой комнаты лучше подслушивать, чтобы не быть замеченной.

– Кать? – окрикнула меня мама.

– А?

– А у Александра, когда день рождения?

– 23 июля, – я даже не обернулась, прошмыгнув на кухню.

– Можно ваш паспорт? – бабушка снова натянула очки и требовательно затрясла рукой.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Александр Царёв, кажется, даже не догадывается с кем связался. Я открыла форточку в кухне и уселась на подоконник, спрятавшись

за пальмой.

– А теперь, когда мы остались одни, – голос Царева изменился. Мягкость и игривость ушли, уступив место серьезности. – Я понимаю всю степень вашей обеспокоенности. И вы определенно имеете право на недоверие. Теперь я готов ответить на настоящие вопросы.

– Александр, я и правда во всё это слабо верю. Я понимаю, современная молодежь немного другая, но все же. К чему спешка? – мама от переизбытка эмоций крутила чашку по блюдцу, издавая звук, от которого бабушку передёргивало.

– Свадьба будет тогда, когда к этому будет готова Катерина, – Царёв говорил серьезно, правда, лица его мне не было видно.

– Насколько я понимаю, вы человек обеспеченный. Как к этому браку отнесутся ваши родители? – почему-то запинаясь через слово спросила мама.

– Мне уже не двадцать, чтобы ждать одобрения от родителей по каждому шагу. Но хочу вас заверить, что моим родителям Катерина очень понравилась.

– Вы их познакомили?

– Конечно. Следующим шагом было бы знакомство с вами, но сегодняшнее недоразумение спутало все карты.

– Я бы хотела познакомиться с твоей мамой.

– Это обязательно, Ирина Николаевна. Иначе и быть не может. Я предлагаю договориться и устроить семейный ужин на нейтральной территории.

– Зачем же? – вдруг ее голос изменился. Стал резким, холодным и отстранённым. – Мы очень любим гостей, Александр. Поэтому будем ждать ваш визит. Чтобы потом не возникло недопониманий. Мы семья обычная, кроме этого дома у нас нет ничего, но и стесняться нам нечего.

– Я уверен, что вы говорите это сгоряча, и не хотели меня обидеть, – улыбнулся Царёв. – Но моя семья теперь – это Катя. И всё будет так, как того захочет она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.